

НИКОЛАЙ РЕРИК

Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если мы вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно — крошечное царство пошлости.

Николай Рерих

Адамант

К священным сознаниям народов в наши дни особо повелительно прибавляется лозунг: искусство и знание. Об особом значении этих великих понятий для нашего и для будущего времени надо сказать именно сейчас. Обращаюсь к тем, чьи глаза и уши ещё не засорены мусором обихода, чьи сердца ещё не остановлены рычагом машины "механической цивилизации".

Искусство и знание. Красота и мудрость. О вечном и обновлённом значении этих понятий говорить не надо. Ещё только вступая на жизненный путь, ребёнок уже инстинктивно понимает всю ценность украшения и познания. И лишь впоследствии, под гримасой обезображенной жизни, эта молитва духа затемняется, а в царстве пошлости она даже кажется или несвоевременной, или уже ненужной. Да, современность доходит даже до такой чудовищности.

Много раз мне приходилось стучаться в эти врата. И вновь обращаюсь к вам:

"Среди ужасов, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства". Не удивляйтесь. Это не преувеличение, не общее место. Это решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний всегда был большим вопросом. Но теперь, когда всё человечество прямо или косвенно испытало ужасы войны, этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают. Самые "почтенные" люди болезненно повторяют мнения, ни на чём не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред. Часто неизгладимый.

Надо признать, что за последние годы европейская культура была потрясена до основания. В погоне за вещами, овладение которыми ещё не суждено человечеству, главные ступени восхождения были нарушены. Люди пытались завладеть сокровищем, которого не были достойны, и порвали священное покрывало богини счастья.

Конечно, то, чего ещё не достигло теперь человечество, — ему суждено получить в надлежащее время, но столько ещё придётся страдать человеку, искупать вину за разрушение запретных врат! Каким трудом и самоотверженностью придётся строить основы культуры!

Знания, затворённые в хранилищах и заключённые в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рождают действенных подвигов созидания.

Жизнь наполнена еще скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного заколдованного круга. Заклясть его тёмных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты.

И пришло время этого исхода.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей — сознаемся, что опустились до уровня варварства. Сознание есть уже ступень преуспевания.

Нужды нет, что оно ещё носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом — дикое побуждение, а смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, уже затемнён. Пропадает руководящее знание. Люди незаметно привыкают к темноте.

Мало знания! Мало искусства! В жизни мало тех устоев, которые единственно могут привести к золотому веку единства.

Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если мы вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно — крошечное царство пошлости. Молодые поколения ещё не приготовлены заглянуть смело, со светлой улыбкой, в ослепительное лицо знания и красоты. Откуда же придёт познание сущности

вещей? Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придёт единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных, твёрдых движений. Только на почве истинной красоты, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет международный язык знания и красоты искусства. Только эти проводники могут установить глаз добрый, так необходимый для будущего созидания.

Путём вражды, грубости, поношения все равно никуда не прийти. Ничего не создать. Разве совести уже не осталось в человеке? Но сущность человека всё же стремится к справедливому познанию.

Прочь тьму, прочь злобу и предательство. Человечество уже достаточно настрадалось от рук тьмы.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убеждённое устремление подвига: "Единственная опора жизни — искусство и знание. Именно в наши трудные дни, в наше тяжёлое время будем твёрдо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях, и в боях будем исповедовать всеми силами духа".

Вы говорите: "Трудно нам. Где же думать о знании и красоте, когда жить нечем. Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить раньше важные дела".

Отвечаю: "Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство не роскошь. Знание и искусство не безделье. Пора уже запомнить. Это молитва и подвиг духа. Неужели же, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепоею? Или от беззаботного безделья?"

Нет, молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда всё существо потрясено и нуждается в твёрдой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора твёрже? А чем же дух зажжётся светлее?"

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебания нашего духа, от недоверия, от нереализованных ожиданий.

Вспомним, как часто, трудясь, мы забывали о пище, не замечали ветра, и холода, и зноя. Устремлённый дух окутывал нас непроницаемым покровом.

"Оружие не рассекает его. Огонь не палит его. Вода его не мочит. Ветер его не сушит. Ибо нельзя ни рассечь, ни высушить его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный он. Один почитает его за чудо; другой говорит о нём как о чуде; третий слышит о нём как о чуде, но и услышав, никто не знает его".

(Бхагавад-Гита).

Великая мудрость всех веков и народов о чём говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в вашем житейском смысле. Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие непреодолимые препятствия возносит вас дух, чтобы опустить на землю невредимыми и вечно обновлёнными. И когда вам трудно и тяжело и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится к вам на помощь? Но путь его долог, а малодушие наше быстро. Но ведь он идёт и несёт вам и "Меч мужества", и "Улыбку смелости". Говорили о семье, покончившей жизнь угаром от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труда своего к тому, к чему должны были. Не всё ли равно, какой труд. Утопающий борется с волной всеми мерами. Но если силён дух его, то и сила духа его умножится безмерно.

Но чем же вызовете дух ваш? Чем вскроете то, что у многих засыпано обломками обихода? Твержу, повторяю: красотой искусства, глубиной знания. В них, единственно в них, заключены

всепобедные заклѣтия духа. И очищенный дух вам укажет, которое знание истинно, которое искусство подлинно. Верю, что вы сумеете призвать себе на помощь дух ваш. Он, ваш руководитель, покажет вам лучшие пути. Он поведѣт вас к радости и победѣ. Но и к победѣ он поведѣт вас вышним путѣм, ступени которого скованы лишь знанием и красотой...

Всему миру приходит трудное испытание. Испытание восприятием Истины. После средневековых испытаний огнѣм, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры, но если сила духа возносила людей против огня и железа, то та же сила вознесѣт их на ступени знания и красоты. Но это испытание труднее древних. Готовьтесь к подвигу, творимому в жизни ежедневно. А теперь отнеситесь бережно ко всему, что двигает культуру. С особой признательностью подойдите ко всему, что выявляет ступени красоты. Ведь сейчас это особенно трудно.

Но алмаз — подобен Красоте!

Всеобщий язык души является настоящей необходимостью. И с особой заботливостью и нежностью мы должны произносить имена тех, кто осознал в жизни то, чем мы по праву гордимся.

Много серьёзных вопросов, но среди них вопрос культуры будет краеугольным.

Что может заменить духовную культуру? Продовольствие, промышленность — тело и брюхо. Но стоит лишь временно устремиться к вопросам тела и брюха, как духовный уровень народа падает. И перед угрожающим, несомненным возвратом к дикости дальнейшее падение уровня будет роковым. Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность, ни интеллект, не осенённый светом духа, не строили истинной культуры. И надлежит особенно бережно обойтись со всем, что ещё может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При всех новых созиданиях, при новом строительстве линия просвещения и красоты должна быть лишь повышена, но не забыта ни на мгновение. Это вовсе не отвлечённое суждение — наоборот, ближайший распорядок.

Великая эпоха строительства предстоит человечеству. Подрастающее поколение, вне всяких повседневных нужд, должно готовиться к подвигу истинного веселого труда.

В Швеции я говорил: "Мы знаем, что Россия не перестала быть великой страной: после светлых преобразований на демократических принципах она займёт достойное место в сфере культуры основанной на духовном и истинном богатстве. Мы знаем, с каким непониманием Запад относится к России... Даже лучшие его представители несправедливо и вредоносно судят о возможностях России. Но, уважая все культурные достижения Востока и Запада, мы знаем, что тоже можем явить поистине мировые сокровища раскрыть в них культурный облик великого русского народа. Лишь только язык искусства и знания является подлинным и международным языком, истинным языком твёрдо установленной общественной жизни. Во внутреннем строительстве нашем неутомимо мы должны, под благим знаком просвещения, вносить красоту и знание в широкие народные массы, вносить твёрдо и деятельно, помня, что сейчас предстоит не идеология, не формулировка, но именно дело, творчество, сущность которого понятна и ясна без многословия. Не слова, но дела! Мы должны помнить, что лик красоты и знания излечит народ от распушенности мысли, внушит ему основы достояния личного и общественного, откроет сущность труда и в лучшем понимании укажет народу путь высоких достижений духа.

Но для этих простых основных усвоений русская интеллигенция несмотря на её малочисленность, должна подвижнически выявить взаимное благожелательство, единение и уважение к многообразным путям духовных поисков.

Интеллигенция должна навсегда духовно оборониться от пошлости и дикости, должна из обломков и из самородков, с любовью найденных, слагать Кремль великой свободы, высокой красоты глубокого знания".

Знаем, что эти пути красоты и знания особенно трудны сейчас. Знаем, что материальная сторона предательски овладела человечеством, но мы и не скрываем, что надо искать путь подвига.

И здесь, в Лондоне, уже было утверждаемо: "Всячески надо стремиться возглашать и широко проводить в жизнь задачи подлинного искусства и знания. Помня, что искусство и знание — лучший международный язык. Помня, что сила народная заключается в его духовной мощи, которая крепнет из источников живой воды. Помните народную мудрость-сказку: источник мертвой воды — то есть всё, что для тела, связал, соединил члены разрубленного тела, но оживить тело можно было лишь из источника живой воды. Те священные источники должны

быть открыты для исцеления мира. Нет зрителей — есть только работники".

Сейчас приходится говорить простым, понятным языком, точно на площади. Сейчас жизнь наполнена старыми знаменами политических партий, изношенными, как стёртые, негодные лики монет. Сейчас забыт Человек. Просты и ясны слова человеческие, но ещё проще и яснее общечеловеческий язык творчества со всей его таинственной убедительностью.

Молодёжи предстоит подвиг внесения в жизнь искусства и знания. Так замкнутые книгохранилища, как обёрнутые к стене картины, так вне жизни стояло часто искусство и знание. Но поколение молодежи должно подойти к этой задаче высшими путями, действительно и жизненно. И труд, самый простой труд обихода, должен озариться исканиями и победами. Ведь пути искусства в их вековых наслоениях так углублены и бесчисленны, а истоки знания так бездонны! Какая веселая трудовая жизнь предстоит вам, начинающим работать!

Красота и Мудрость! Именно молитва духа вознесёт страны на ступени величия. И вы, молодежь, можете всеми мерами требовать открытия этих путей. Это ваше священное право. Но для осуществления этого права вы должны научиться открыть глаза и уши и отличать правду от лжи. Чётко запомните: не идеология, а действенное усилие необходимо.

Железо ржавеет. Даже сталь разъедается и распадается, если её не обновлять живительно. Так и мозг человеческий костенеет, если не дадите ему совершенствоваться неутомимо. А потому учитеесь подойти к искусству и знанию. Эти пути, лёгкие потом, часто трудны вначале. Превозмогите! И вам, молодежи, предстоит одна из наиболее сказочных работ: возвысить основы культуры духа, заменить "механическую цивилизацию" культурой духа. Вы присутствуете при мировом процессе разрушения "механической цивилизации" и при созидании основания культуры духа. Среди народных движений первое место займёт переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание. Кроме того, только эти два двигателя являются тем совершенным международным языком, в котором так нуждается мятущееся человечество. Творчество — это чистая молитва духа. Искусство — сердце народа. Знание — мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество. Ведь понять — значит простить. Новые правительства напишут на знаменах своих: "Молитва труда, искусство, знание", — и поймут, что вносящий истинную государственность не может ни на минуту забыть о подвиге духовной жизни. Иначе строителю нет путей и его ожидает разрушение.

Вы, молодежь, имеете право всеми мерами требовать от правительств путей искусства и знания. Со спокойной совестью вы должны иметь возможность сказать, что даже в самые тяжкие минуты вы помнили о великих устоях — о красоте и мудрости. Вы не только помнили, но и по мере сил вносили в жизнь этот подвиг, который заменяет радость разрушения истинной радостью созидания. И в таком сознании — залог вашей будущей светлой жизни. Ведь вы знаете: вне искусства религия недоступна, вне искусства дух нации отсутствует, вне искусства темна наука.

Вы ведь знаете, что подвиг духа жизни творится не одними пустынноиками и столпниками. Подвиг творится здесь, среди нас, во имя того, что считается самым священным, самым близким Великому Духу. И сознание подвига жизни раскроет вам путь нескончаемо прекрасный.

И вот теперь обращаюсь к вам, молодым, со словами об искусстве и знании. Ведь вы — рыцари народа, рыцари духа — не останетесь во граде мертвых. Вы построите светлую страну, полную красоты и мудрости. Не разрушением, а созиданием должно кончаться всякое слово. Знаем, что такое мощь созидательной мысли. И вот теперь, перед ликом великих поисков, мы должны сказать слова, идущие из источника самого лучшего: "Оставьте все предрассудки, мыслите свободно!" А всё помысленное во имя красоты и мудрости будет прекрасно.

И еще скажу вам: "Помните, сейчас пришло время гармонизации центров. Это условие

будет краеугольным в борьбе против "механической цивилизации", которую ошибочно иногда называют культурой. Заброшенный мелочами обихода, варварски искореняемый дух уже восстаёт. И растут его крылья. О, мои юные друзья! Храните ваш светлый энтузиазм и доброту глаз.

И мы не одиноки в нашей борьбе. Великий Учитель Свами Вивекананда говорит нам: "Разве не видите, что я прежде всего поэт". "Не может быть истинно религиозным тот, кто не способен воспринимать красоту и величие искусства". "Неприятие искусства есть полнейшее невежество".

Рабиндранат Тагор кончает статью "Что есть искусство" словами: "В искусстве индивидуальность в нас посылает отклик Всевышнему, который раскрывает Себя нам в мире бесконечной красоты вопреки беспросветному миру фактов".

Нет иного пути. И вы, друзья, в рассеянии сущие! Пусть и к вам просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Вас зову. К вам обращаюсь. Во имя красоты и мудрости, для борьбы и труда соединимся.

Пути благословения

Как пчёлы собираем мы знание и укладываем нашу кладь в причудливые соты. По прошествии года мы пересматриваем наши "сокровища". Но кто успел подсунуть нам столько ненужного? Когда успели мы так затруднить путь свой?

Тяжка ноша вчерашнего дня. Но среди случайного и подлежащего, как пепел ночного костра, уничтожению всегда высятся веши, драгоценные нашему духу. И дух знает их. Это они ведут человечество через все расы, через все круги достижений. Ступени к храму.

Владыка Христос указывал на красоту цветов.

"Истинно, истинно! Красота есть Бог! Искусство есть Бог. Знание есть Бог. Вся слава, всё великолепие, всё величие есть Бог".

Так воскликнул индусский святой, возвращаясь из состояния величайшего самадхи. И придёт новый путь красоты и мудрости.

Лучшие сердца уже знают, что красота и мудрость не роскошь, не привилегия, но радость, сужденная всему миру на всех ступенях достижения.

Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действительно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь несмотря на все трудности. Они знают, что европейский костюм не является признаком культурного человека. Они знают, что в наши дни, в дни смертельной борьбы между "механической цивилизацией" и грядущей культурой духа, особенно трудны пути красоты и знания, особенно тягостны нападения чёрной пошлости. Но они и не скрывают, что борьба тяжела и за ней уже растут крылья освобождённого Духа.

Вы знаете, что лучшие красоты природы создались на месте бывших потрясений земли. Вы знаете восторг перед скалами, пропастями, живописными путями старой лавы. Изумляетесь кристаллам и морщинам каменных цветных наслоений. Бесконечную красоту дают пульсации Космоса.

Подумайте, сколько знамений явлено! Залила кровью мир война. Засухи, ливни нарушали людское устройство. Ушли озера. Обрушилась вершина Монблана. Явил лик голод. Сколько условностей отживающей расы уже развалилось.

И среди развалин людских условностей уже возникает новая жизнь. И даже самые тупые начинают сознавать, что многое, зримое ими, не случайно. Новый мир идёт! Идёт среди изумлённых и совершенно потрясённых взоров.

И в новом мире, в его новых храмах сложится новая жизнь, и в ней искусство и знание поддержат престол любви Божества. Благословенные ведут нас этими путями. Среди чудовищных умственных нагромождений изжитой ветоши видны уже признаки синтеза, и гармония совершенства становится явной.

Узнавая будущее значение красоты и мудрости, люди поймут и пути их возникновения. Сейчас надо мыслить о всеобъемлющем значении искусства. Надо ощутить и утвердить высший проводник Духа Утешителя и Создателя.

Смотрите! В конце прошлого столетия истерлись старые стили. Жизнь наполнилась мертвенными подделками. Творения красоты стояли одиноко. Обстановка жилищ, вещи обихода, средний уровень картин и ваения дошел до предела фальшивого безразличия, и тогда немедленно появилась реакция. Но насколько отвратительна была подделка, настолько же оскорбительна была реакция. Возненавидели старых. И ненависть, как обычно, породила

злобную беспомощность. Брызгая ядовитой слюной разложения, бросились создавать новые теории. Точно неумелые дрогисты, они распределили искры Божества по склянкам и наклеили этикетки. Итак, на смену спесивому безразличию жизнь наполнилась всякими post- и ex-ами. И снова раздробленность дошла до предела. И снова стражи истинного искусства, как Роден, Курбе, Пюви, Ван Гог, Гоген, Дега, Сезанн, остались одинокими, а вокруг них шла суматоха распятия красоты. Какой сюжет для старого Брейгеля или Босха! То они были поработаны сюжетом, то они искали лишь форму, то они искали лишь краски. Они самовольно и глупо разделили искусство на высшее, декоративное, прикладное, коммерческое. Они извратили понятие реальности. Они разрубили единое дерево искусства. Они изогнули всё, за что могли схватиться судорожные их руки. Они забыли то, что звучит в каждом атоме звездного неба, перед чем их слепые теории кажутся жалкими заплатами. Они забыли о гармонии. Они не хотели знать, что близится время гармонизации центров. Они забыли, что таинственная прелесть искусства, его убедительность кроются в путях его возникновения. Они забыли, что искусство рождается не рассудком, а сердцем и духом. Откуда придёт, на том языке и говорить будет. Произрастёт из духовных источников. В таинственных обобщающих путях искусства есть тот международный язык, который поистине свяжет всё человечество.

Вы знаете, я смотрю не близко. Я радуюсь всем устремлениям, если они несут следы красоты, но хладнокровные теории не имеют ничего общего с творчеством. Нам нужны не изобретения, но произведения искусств.

Искусство для всех. Каждый порадует истинному искусству. Величайшее преступление — нести фальшивые, условные ценности. Для всех должны быть открыты врата "священного источника". Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придёт это чувство, но после оно очистит всё человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...

Это не общее место, не трюизм. Это надо подчеркнуть и выявить всеми силами духа, ибо люди забыли совершенно простой путь света и творчества.

Язык людской, яркий и мощный в осуждении, стал дряблым и бледным при хвале и утверждении.

Но даже среди этой фальши искусство всё ещё остаётся пророческим.

Но руководители жизни творят неусыпно. И можно радоваться ужасающим пределам нашего хаоса. Так из-под пены бури снова возносится омытый, сверкающий утёс; уже близится творчество созидания и обобщения. И мы знаем не предсказания. Мы уже видим светлые признаки. Одинокие люди, разделённые горами и океанами, начинают мыслить о соединении элементов, о творческой гармонии. И мысли единства пролетают над миром. Молодёжь уже пишет слово "красота" на гербах щитов трудовых подвигов.

"Cor Ardens" признает искусство универсальным средством выражения и свидетельства жизни. Оно признает феномен одновременного возникновения идеалов в искусстве во всех частях света, и тем самым подтверждается творческий импульс вне зависимости от доставшегося наследия. Искусство должно твориться чистым духом во всей своей непреложности. "Cor Ardens" являет реальное движение к объединению, хотя и разделённых, но духовно близких людей.

"Всеми силами духа мы должны восходить путём благородства, энтузиазма и побед".

Цели организации:

1. Создание международного братства художников.
2. Организация выставок без жюри, призов и распродаж.

3. Создание центров, в которых найдётся место искусству и художникам всех стран.

4. Основание универсальных музеев, где будут храниться произведения искусства, подаренные мастерами.

"Cor Ardens" станет эмблемой и символом братства художников. Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединённые физически души не начинают понимать друг друга языком высшего благословения?

Друзья невидимые! Знаю вас. Знаю, как нечеловечески трудно вам превозмочь все условности жизни и не погасить ваш светоч. Знаю, как болезненно для вас идти под презрением тех, кто построил свою жизнь на тёмных понятиях денег. Знаю вас, одинокие — перед огнём, который кажется вам одиноким. Мои молодые друзья! Всегда молодые! Ведь у того же огня сидят многие. И не одиноки сидящие у одного огня. И если рука ваша ещё не ощутила пожатия, то дух ваш уже принял поцелуй брата.

Какие гигантские массы сдвинуты братскими усилиями. И каждое напряжение в направлении красоты и мудрости сияет сознанием, что единый луч духа ведёт нас — тот луч, перед которым вспыхивает экстаз духа, а тело трепещет в предчувствии.

Не дрожи, не бейся так, бедное сердце! Ещё раз, опять после долгого срока, ты научишься владеть мощью, которая так близка.

Купель искусства!

Велико значение Красоты для будущей жизни! Новый мир идёт!

"Оставьте все предрассудки — мыслите свободно", — так Благословенный сказал.

Я знаю тебя, гомункулус. Это ты подсунил нам в дороге столько ненужных вещей. Это ты советовал нам не доверять всему молодому и "неопытному". Это ты подставил внешние факты вместо фактов духа и сущности. Это ты позолотил рамы на картинах. Ты проник в советы и лиги и прикрыл стремление к совершенству обязанностью могильщиков. Ты очень трудишься. И в твоей незримой империи растёт "славное" человеконенавистничество.

Но как бы мал ты ни был, уже рассмотрели тебя. И узнали твои привычки. Ты боишься талисмана любви. И любовь подсекает твои создания. Любовь творческого совершенства! Гармония!

Ты мечтаешь засыпать её старыми вещами. Ты думаешь, что пламя любви потухнет? Но ты забыл таинственное качество пламени. Оно зажжёт любое количество светочей и не уменьшится.

Где же тебе бороться! И если бы ты даже проник во все лиги наций, то ведь за нациями стоит человечество. И здесь трудолюбивый гомункулус не достигнет успеха. Ибо человечество, хотя и медленно, идёт к гармонии.

Не кажется ли вам странным, друзья мои, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, всё-таки могут быть действительно выявляемы такие ещё далёкие понятия, как любовь, благо, совершенство, то есть все спутники гармонии? Гармонию часто не понимают. Но гармония не есть отвлечённое песнопение. Гармония, гармонизация центров есть выявление деятельности во всей её мощи, во всей её ясности и убедительности. Познавая, чего мы хотим, мы слагаем все наши центры в одно напряжение и даже преодолеваем все установления рока. Но дух-то наш знает лучше всего, где правда. И каждый наш поступок оценен духом воистину.

И вот этот дух также знает, что любовь и совершенство будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желаний будут соответствовать неизмеримости величия Космоса, то это путь истинный.

И этот Космос, не тот недостижимый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры-звезды на всех неисчислимых планах Вселенной.

Простота — неперемнное качество гармонии. Творчество будущего будет осенено простотой. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью. Здесь разница так же велика, как между искусством и штампом. И часто в золотых рамах мы находим не более чем коммерческий штамп, а в плакате под вихрем и снегом треплется истинное искусство.

Но дух-то, хотя бы в молчании, знает, где штамп, где пошлость и где радость и творчество.

Молчаливо спрашивайте дух ваш, внося каждый предмет в дом ваш. Произнося заклинания против гомункулуса, обдумайте, зачем и как пришли вы к мысли приобщить к вашему очагу нового гостя.

Помните, ведь эти молчаливые гости могут быть истинными друзьями, но могут стать и врагами вашего дома.

В осознании предметов лежит гармония их. И опять дух ваш знает врага и друга. Знаем непреложные исцеления музыкой и красками. Вспомним мощь пения. Вспомним высокие подъёмы в храмах, в музеях. Дом Божий! Дом Великой Тайны! Только искусство может облечь Великую Тайну плотью. И таинство Духа имеет подножием лишь красоту.

Конечно, вы любите искусство. И вы хотите о многом расспросить меня. Вы хотите знать, что лучше для гармонии дома: картины или стенопись. Лучше ли закрепить обстановку в неподвижности? Или жизненнее — идея Китая и Японии, где каждый день на стене комнаты

помещается одна новая картина? Наверное, вы хотите спросить, правильна ли идея наших современных выставок, где за обликом храма искусства притаился ларёк торговца?

Учитель изгонял торгашей из храма. Учитель знал, конечно, что в нашей жизни без торгашей ещё нельзя. Но Он их изгонял именно из храма. Так и в деле искусства. Конечно, торговля должна остаться. Но она должна быть вынесена из храма. Пусть будет честный праздник; пусть будет честная лавка. Но лавка во храме и личина храма в лавке вносят внутренний разврат среди творящих и цинизм среди посещающих. Благоухание храма скуёт жест даже отъявленного циника, и гомункулусу приходится бежать.

Правда, гомункулус, вам всё-таки придётся уйти из жизни. Бессчётные молодые сердца просят вас уйти.

Очистив принцип обмена искусства, возможно ввести его в дом. Внести как бы свечу, зажжённую во храме. И мысль стенописи, и ценная смена впечатлений Востока — всё найдёт свое место. Ибо правда бесконечна. И каждый отдельный случай утверждения искусства устанавливается сознанием духа.

Кондуктор думает, что люди лишь ездят. В представлении сапожника люди лишь ходят. В представлении современного человека люди только терзаются. В знании Благословенного люди должны радоваться.

Правда, именно сейчас радость об искусстве звучит странно. Много говорят об искусстве и так мало вносят искусство в свою жизнь. И всегда находят превосходные отговорки и оправдания. Всегда виноваты самые убедительные обстоятельства. Всё виновато, не виноват лишь "цивилизованный человек", ходящий смотреть на бой быков или на уличную драку, обставленную правилами "бокса". Здесь открыты и сердца, и кошельки.

Но расспросите этих людей, много ли они сделали для искусства? И много ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед этими завоевателями земли. В наши дни и об этом приходится говорить.

Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем ещё больше затруднить тернистый путь красоты. Здесь опять работа гомункулуса!

И в то же время лишь около десятой части населения вносит искусство в свою жизнь и что-то знает об искусстве. Двадцать процентов только говорят об искусстве и не применяют его. А оставшиеся семьдесят процентов вообще не знают или, лучше, не помнят уже, что такое искусство...

Но лучше, хотя бы механически, твердить: "благо, благо, благо", нежели, с усмешкой, повторять: "зло, зло, зло". Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства? Пусть и политики, и конгрессмены, и многие клирики, и банкиры, и "деловые люди", и все гордые своей часто сизифовой работой пусть тоже усвоят себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путём радости сознания, там пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне заседаний Лиги наций.

И ещё одно "необщее место". Со стыдом вспомним о том, о чём поистине необходимо вспомнить, и признаемся. В воспитании детей всё ещё забыто развитие творчества. Сперва стараются внушить ребенку массу условных понятий. Сперва ему преподают полный курс страха. Затем ребенка знакомят со всеми домашними ссорами. Потом ему покажут те криминальные фильмы, где зло так изобретательно и блестяще, а добро так бездарно и тускло. Потом ребенку даются учителя, которые, к сожалению, часто не испытывая любви к своему

предмету, повторяют из него мертвую букву. Потом покажут детям все пошлые заголовки ежедневной прессы. Затем ребенка окунут в так называемый спорт, чтобы молодая голова привыкла ощущать удары и разбитые члены. Итак, сперва займут всё время юноши, дадут ему наиболее пошлые и извращённые формулы. А потом он, засорённый и заржавленный, может начинать творить.

Это одно из глубоких преступлений. К любой машине люди бережливее относятся, нежели к ребенку. Ещё бы, за машину заплачены "всесильные" деньги. Её нельзя запылить или залить грязью. А за детей деньги не платят.

Мы часто восхищаемся неожиданностью детского рисунка, или мелодией детской песни, или мудростью суждения детского. Там, где ещё открыто, там всегда прекрасно бывает. Но потом мы замечаем, как ребенок перестаёт петь, перестаёт рисовать, и суждения его уже напоминают так называемые "детские" книги. Значит, зараза пошлости уже проникла, и все симптомы этой ужасной болезни уже появились. Появилась скука, появилась условная улыбка, появилось преклонение перед противным, наконец, появился страх одиночества. Значит, что-то близкое, всегда присутствующее, руководящее — отошло, отодвинулось.

Не изгоняйте детей из храма. Ведь самые трудные вещи всегда так просты. Но если машина портится от пыли и грязи, то как же разрушительно действует грязь духовная на хрупкую молодую душу. В смертельной тоске ищет света маленькая голова. Смертельно болезненно чувствует всю оскорбительность. Болеет, затихает и часто поникает навеки. И творческий аппарат замирает, и отпадают все провода.

Откройте во всех школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние радостью и прозрением. Уберегите ребенка от гримасы жизни. Дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребенка.

Эти бичи человечества — пошлость, одиночество и тягость жизнью — минуют молодую душу творящего.

Откройте пути благословения!

Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны? Или требуют неисчислимых средств? Или только гиганты духа дерзают на эти пути?

Все уверения будут неубедительны. На эти сомнения можно ответить лишь страницей подлинной жизни.

Возьму четыре портрета моих друзей. Все они уже ушли от нас. Из них только один был богат средствами, а трое были богаты лишь своим светлым духом.

Богатый собиратель был московский коммерсант Третьяков. Ничто в семье не располагало его к искусству. Старый купеческий род скорее подозрительно смотрел на непонятное ему влечение. Но неожиданно молодого Третьякова потянуло к новому пути. И ошупью, руководясь личным чутьём, он начал собирать картины русской школы. Шёл он одиноко, лишь иногда выслушивал совет знакомого художника. И не случайно начала складываться теперь знаменитая Третьяковская галерея в Москве. Подлинным чутьём любителя искусства Третьяков понял, что правительство обычно пополняет свои музеи чаще всего официальными произведениями, минуя лучшие вещи художников. И этот казённый лик музея не может отразить течение школы нации. Так было всегда. Боюсь, так будет и в будущем.

Искусство всегда цвело личным, горячим порывом, который поймёт, и найдёт, и сохранит, и даст всему народу. И вот купец Третьяков понял государственную задачу искусства. И нашел свежие художественные силы и облегчил путь их. И, окружив чистым восторгом, сохранил их творения. Но свою радость он сделал народной радостью и при жизни ещё отдал городу Москве всё своё замечательное собрание. И немалую задачу он себе поставил. Не просто собрал воедино массу ценных творений, а отразил в своём собрании всю русскую школу. Всё новое, яркое, значительное было усмотрено Третьяковым. Этот молчаливый, седой человек в большой шубе неутомимо посещал все выставки, и ничто не останавливало его, если он считал произведение значительным. К начинающему молодому художнику он поднимался по крутой лестнице в студию. Он был первым при окончании картины. Он был первым при открытии выставки. И зато он первый имел лучшие, характерные вещи.

Случилось так, что награда высших художественных учреждений считалась ничем сравнительно с приобретением Третьякова. И судьба начинающего художника решалась не Академией, но именно этим молчаливым, искренним человеком. Когда не хватило стен дома, Третьяков построил еще здание рядом. Если это было нужно, то оно должно было быть сделано. И искусство не должно было терпеть ущерба.

Конечно, кто-то может сказать, что с большими средствами Третьякова было возможно собирательство в таком огромном масштабе. Он мог избирать лучшее и мог собрать столько, чтобы представить у себя всю русскую школу. Правда, средства дали этот масштаб, но качество собирания, любовь к делу и живое творчество в самом выборе вещей и людей — всё это шло не от количества средств, а от бездонного богатства духа. Так один человек, сильный духом, сделал бесконечно важное государственное дело. И теперь, если бы правительство пожелало повторить Третьяковскую галерею, оно было бы бессильно, ибо порыв духа создал неповторимую комбинацию красоты.

Это — пример идейного созидания в пределах государственных.

Теперь другой духовный лик. Та же сила духовного устремления при всей полноте борьбы со средствами. Известный поэт, культурный деятель, гофмейстер двора императора граф Голенищев-Кутузов. В этом случае традиции рода способствовали развитию любви к искусству.

Были большие исторические познания; был особый глубокий поэтический дар.

Собрание состояло из картин старинных голландской, нидерландской и итальянской школ. Основное отличие собрания — не погоня за условным именем, но правда выявления чудных творений. Собиратель понимал, что имена Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка являются именами чисто собирательными (коллективными). Что только низший тип коллекционера гонится в темноте за пустым для него звуком. Но лучшее знание искусства открывает нам бесчисленное количество художников, поглощённых так называемыми крупными именами. И задача культурного собирателя — разобраться в этих забытых именах во имя правды. Если на признанной отличной картине Рембрандта найдется подпись Карела Фабрициуса, его ученика, разве превосходная картина станет от этого хуже? Или мог ли Ван Дейк писать две тысячи портретов в год? Конечно, нет, но у него было до двухсот учеников.

Я знаю, как огорчён был бы граф, узнав, что одна из его любимых картин, принадлежащая неизвестному нидерландцу Хазелаеру, висит сейчас в Метрополитен-музее в Нью-Йорке под именем Иоахима Патинира.

Во имя правды граф Голенищев-Кутузов раскрывал истинные имена и насколько мог исправлял грехи своекорыстной человеческой истории. И какой любовью, интимностью дышало его изысканное собрание. При этом каждая картина была добыта с трудом, с лишением. Каждый новый член собрания возбуждал неодобрение многих родственников, жалевших трату денег. А средства были так скудны. Небольшого придворного жалованья не хватало на жизнь. И уходил отсюда этот собиратель, окружённый своими истинными друзьями — картинами. И завещал, чтобы его собрание разошлось и дало новую радость новым ищущим душам.

Это тип утонченного собирателя, который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает её вновь служить облагорожению духа человеческого.

Теперь тип молодого собирателя. Собиратель по инстинкту ещё со школьной скамьи. У мальчика, вместо свойственных возрасту радостей, растёт любовь к художественным произведениям. Он с малых лет, не имея личных художественных способностей, отличается образованием и развитым вкусом. Его привлекает всё прекрасное. Дух его стремится восходить.

Какая радость была проводить время с молодым Слепцовым. Ещё со скамьи Императорского лицея он начал собирать картины. Не хаотичная, не случайная покупка это была. Он знал, что делал. И все деньги, данные юноше матерью на удовольствия, шли на благородное влечение. И если иногда был недостаток в деньгах, то энтузиазм общей задачи никогда не страдал от этого.

А общая задача была красива. Юноша полюбил определённых, очень тонко избранных художников и решил каждого из них представить во всех периодах деятельности. Сохранить и передать потомству полный лик творческой человеческой жизни. В будущем юноше грезились: каждому художнику будет предоставлена отдельная комната и вся обстановка комнаты будет отвечать характеру данного творчества. И мебель, и обработка стен, потолка, характер освещения и покрытия пола. Из этого можете заключить, какая тонкость восприятия была заложена в молодом духе и какая проникновенная любовь и забота окружали каждого представленного художника. В этих особых комнатах иногда должны были раздаваться избранное пение и музыка. Или должны были быть читаемы соответственные произведения. Словом, должна была быть осуществлена мечта о единстве искусства, о гармонии.

Радостно было слушать, как избиралось новое произведение для собрания. Какие тонкие и правдивые соображения высказывались, чтобы выделить и найти новую и достойную черту в творчестве художника. И вы видели в употреблении искусства не прихоть, но реальную культурную потребность. И эта тонкость культуры заражала окружающих. И мысль, и разговор очищались светлым восхождением духа.

Слепцов мечтал передать своё собрание народу, не заботясь об имени своём. Но слишком рано ушёл он от нас. И ушёл он необыкновенно. Он уехал верхом и не вернулся. Перешел неожиданно, среди природы, прислушиваясь к гармонии Космоса. Завидный переход — переход к новой прекрасной работе.

Это тип чуткой души с заложенными ощущениями будущей гармонии и единства.

Теперь ещё один трогательный тип собирателя.

Очень бедный армейский офицер, служащий в отдаленной провинции, рвётся всей душой к искусству. Лишая себя во многом, полковник Крачковский, всегда деятельный, горящий энтузиазмом, всегда приветливый, стремится собрать коллекцию образцов русской живописи. Конечно, он не может собрать крупных вещей. Он собирает небольшие размерами картины, эскизы, этюды, рисунки. Но по внутренней ценности его собрание становится очень значительным. Он стремится к лучшим художникам: он понимает, что часто эскиз ценнее самой картины. Он стремится выявить лик художника в чертах наиболее типичным. Это не покупатель дешевых картин — это истинный собиратель. При этом сам он часто нуждается в десяти рублях, и для него величайший вопрос — заплатить десятью рублями больше или меньше. И он просит художника отдать вещь и настойчиво убеждает уступить. И слово его действовало, и ему отдавали эскизы. И он радовался светлой радостью ребенка, и писал восторженные письма о новом сокровище. Как любил он искусство и каким высоким значением окружал он понятие истинного творчества.

В завещании он оставил всё своё собрание в общественное пользование. Но мало того, он завещал продать всё его скромное имущество, все его обиходные вещи и на вырученную сумму приобрести ещё художественных предметов и приобщить их к собранию.

Это тип внешне незаметного, но глубоко значительного работника в пользу будущей культуры. Его пример останавливал внимание многих. И если бы вы читали его письма, писанные с полей сражений!

Чистая душа. Полковник Крачковский ушёл от нас во время последней войны.

Я мог бы показать ещё много ликов, полных благородных исканий в разных областях искусства. Но и эти четыре лика уже устанавливают уровень культурных стремлений, так нужный человечеству.

Так бывает не в мечтаниях, но в реальной жизни. Бывает искренне и действительно. И улыбка радости сопровождает такие светлые задачи. До чего близки искания искусства достижениям духа.

Пора понять, и запомнить, и применить к жизни эти чудесные проводники.

И когда искусство войдёт действительно и неудержимо и просто во все духовные, общественные проявления, тогда оно будет внесено и во всю современную жизнь.

И по этим каналам приблизятся ко всякому человеческому сердцу истинные пути благословения.

"Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть".

Друзья, любите ли вы врагов ваших?

Умейте "гордиться" не только друзьями, но и врагами. Напрасно вы не любите врагов ваших. Вы должны их любить. Они такие старательные существа. Они так сильно трудятся для вас. Они знают о вас больше, чем вы сами знаете. В старательстве своём они вам приписывают такие тонкие выдумки. В их представлении вы делаетесь и всемогущим, и вездесущим. И часто враги помогают вам — вашим лучшим идеям. И удары врагов так часто дают вам новых, невидимых друзей.

Окончив свои "дела", осмелевшие враги сядут в советы и митинги и будут без вас решать о вас. Но творчество жизни обернет все их решения. Как Миме у Вагнера, милые враги не будут знать, что именно они говорят. Потом они придут с разъяснениями, но все-таки врагами останутся. Пока не почувствуют удара искры-стрелы. Тогда, обедневшие, они делаются и осторожными, и зрячими. И бывает всё, как должно быть...

Враги часто сердятся. А кто гневается, тот уже бессилён и неопасен. Истоцив крик свой, они стараются замолчать вас, но как приятна работа в молчании. И криком, и молчанием они полезны вам. Ах, милые враги, если бы вы иногда посмотрели, какой малюсенький человечек натравливает вас. Даже самые грубые сердца были бы сконфужены таким руководителем и союзником.

Я уже не говорю обо всём том, когда явные враги заставили вас осмотреться, проверить ваше знание и двинуться с новым упорством.

Да будут благословенны враги!

"Но почему вы занимаетесь врагами? Разве мало вам всех друзей ваших?" — спрашиваете вы. Конечно, я говорю не для себя и, может быть, не для вас. Но говорю я для младшего поколения. Оно часто не знает, как поступить с первыми врагами, и вместо простого перехода через реку нагромождает утесы, теряя драгоценное творческое время. А ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей.

Ведь если бы весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все иерихонские стены тьмы пали бы немедленно. Но до радости мира ещё далеко.

Часто мы так твёрдо заучиваем что-нибудь, что если бы это было вовсе не так на самом деле, мы все равно стали бы настаивать на своём; вместо третьего глаза отказываемся от двух обычных.

Попробуйте на лесной дороге, опередив спутника, незаметно скрыться в чащу и пропустить его вперёд. Потом вы можете окликать его сзади, а он будет ускорять ход и будет слышать зов впереди. Ибо мозг его знает, что вы должны быть впереди.

Отчего люди не видят синюю лошадь или зеленое лицо? Потому что вопреки очевидности их связанный мозг знает то, чего нет на самом деле.

Сколько споров о жизни, о религии, о знании, о красоте породили связанные мозги. Связанные оковами школ-тюрем.

Вот и ваши враги так многое знают непреложно, что они даже помогут будущей культуре. Помогут для себя неожиданно.

Они ведь решили задавить вас своими "великолепными" материальными достижениями и вещами. Они водрузили стандарт свой оконченной жизни, оконченной расы. В гордости

сознания законченности они обрезали все "ненужные" провода. Что значит "бедный дух" перед мощью складов, набитых хотя бы гнилой мануфактурой? Враги уже готовы торжествовать и петь гимны своего отрицания.

Но происходит "глупая" вещь. Кто-то не хочет взять их товары. Время портит их заготовки. А, по видимости, они не могут даже рядом лежать с изделиями самых древних эпох. И из-за груды хлама победоносно и неоспоримо покажутся лишь творения духа.

Взглянем на музеи нашей планеты хотя бы через одну тысячу лет. Что именно найдут потомки от наших дней — они, которые уже будут давно знать и атомическую энергию, и мощь гармонии? Книги, газеты, бумаги, ткани стали уже пылью. Цемент и железо уже давно превратились в труху. Все краски стали желтыми и серыми. Многие изваяния развалились. Остатки кладбищ стали местами убожества. И рядом с этим печальным ликом ещё останутся монолиты древних эпох, уже не однажды знающие, что такое тысячелетие.

Много изделий врагов ваших унесёт время. Правда, в битве очищения погибнут и некоторые друзья. Но те, которые поймут, что есть гармония, те сохранятся. Ибо они знают, что гармония заключается в соответствии всех частей и всех материалов. Кто знает, для чего творит он и что выражает, тот создаёт и соответствие материалов. Он поймёт, как охранить книги — скрижали знания. Он поймёт, что нелепо ставить цементное изваяние или писать картину заведомо плохими красками на гнилом холсте. Мало-помалу люди поймут, что именно должно сохраниться и как именно сохранить это. Охранить — как след искры божественной энергии.

Но для того, чтобы знать, надо помыслить, надо создать моменты этого подъёма, этого узнавания.

Много людей в конце недели ходят в церковь. Много людей в конце недели вспоминают, сколько они должны заплатить по счетам. Но немного людей хотя бы один раз в неделю вспомнили, что за семь дней они внесли в область красоты и знания. И тщетно искусство стучится в эти запертые двери. Этот стук сердца беспокоит мозг не более шума ветра. И ещё плотнее притворяют ставни и завешивают шелковыми тканями всякий доступ воздуха.

Любить искусство никто не обязан. Большинство разговоров об искусстве поддерживается не любовью, но лишь приличием. Но тем не менее искусство и знание идут.

Постепенно усиливаемый электрический ток даёт возрастающий свет. Затем свет вспыхивает особенно ярко и для нас погасает, но аппарат работает ещё усиленной. Это значит, что зрение наше уже не воспринимает вибрации такого напряжения, но незримый свет растёт.

Или перед вашими глазами начинает двигаться цепь товарных вагонов и заслоняет чудный пейзаж. Вагоны ускоряют свой бег. В промежутки между ними начинают мелькать очертания природы. Поезд понесся быстро, и вы начали видеть как бы сквозь него весь связный пейзаж. Препятствие физического тела исчезло.

Во тьме часто мы не видим растущий свет. Но зато если стремиться, то снова, сквозь нашу физическую оболочку, мы начнём видеть истинный мир в его истинном движении.

Так и сейчас часто мы не можем воспринять усиленных вибраций мировых движений. Но сквозь цепь товарных вагонов мы уже начинаем различать вершины гор, к которым рок нас движет.

Мы вспомнили о современных условиях творчества. Вспомнили все Голгофы трудностей и подвиги достижения. Конечно, условия искусства и знания в современной жизни ненормальны. Конечно, мы должны знать это и ежечасно помнить об этом. Но если всё движимо творческой любовью, чудом красоты и мудростью знания, то этот треугольник вы всё же не опрокинете, ибо каждая сторона его выявляет две следующие.

И теперь, если мы знаем, что молодое поколение вспоминает о мощи устоев, то, конечно, оно перенесёт это сознание через все трудности жизни. И произносятся слова "братство", "любовь",

"гармония", мы произносим не смешные, неуместные слова, но говорим слова ближайшей практики жизни. Чудо творится среди жизни, среди действия, среди напряжённой гармонии. Ночные видения претворяются не в сказку, но в явления счастливых общений с путями Благословенных.

Окно, во тьму открытое, приносит ночные голоса, но зов любви принесёт ответ Возлюбленного.

Новый мир идёт.

Кажется особенным совпадением, что в этом зале Института Объединённых Искусств мне предстоит говорить о Московском Художественном театре. Ибо в самом высоком смысле значение слов "объединённые искусства" точно определялось именно работой Московского Художественного театра. Поэтому особенно близки ему по духу все учреждения, посвятившие себя делу Объединения Искусств.

Везде в России это название — Московский Художественный театр — ассоциировалось с ощущением какой-то особой атмосферы, всецело присущей ему. Оно никогда не произносилось пренебрежительно, но всегда искренне и с глубоким почтением, и так было не только в крупных городах, но даже в деревушках, повсюду, куда бы ни проникала слава его. Когда вы приходите в театр, с его спокойной и негромкой публикой, где в интерьере нет безвкусных украшательств и освещение не слепит глаза, вы инстинктивно ощущаете, что участвуете в чём-то значительном, присутствием настоящему искусству. И создавалась эта атмосфера не рекламой, не особыми усилиями, но только трудом самоотверженным.

Когда, например, из-за кулис доходили слухи, что после пятидесятой репетиции какой-то пьесы вдруг вся постановка полностью менялась, это никого не удивляло. Конечно, для обычного европейского театра считалось бы нелепостью менять законченную работу после столь многих репетиций — фактически в рядовом театре редко бывает, чтобы проводилось так много репетиций. Но, когда речь шла о Московском Художественном театре, никого это уже не удивляло. Так как на каждой репетиции театра излагалась не только мёртвая буква пьесы, но и сама репетиция становилась творческим достижением. И так всё больше и больше возрастала творческая мощь. Именно здесь кроется разгадка к пониманию той особой атмосферы, которая была в Московском Художественном театре.

В 1912 году я начал основательно знакомиться с работой театра, так как в тот год дирекция его обратилась ко мне с вопросом, в каких постановках я бы хотел сотрудничать с ними. Сначала обсуждались две возможности: "Принцесса Мален" Метерлинка и затем всеобъемлющая норвежская драма Ибсена "Пер Гюнт". Выбрать, какая из них должна быть первой, для меня оказалось трудной задачей, потому что я искренне оценил образный стиль и проникновенное внутреннее содержание творчества Метерлинка. Но мне также было очень близко общечеловеческое звучание произведений Ибсена, поэтому, в конечном счёте, я выбрал драму "Пер Гюнт".

Когда Московский Художественный театр ставит перед собой определённую задачу, тщательно изучается весь круг вопросов задолго до того, как приступить к созданию спектакля. И это делается не только в библиотеках, если нужно, актёров и режиссёров посылают также на место действия события, чтобы основательно ознакомиться с реалиями и историческими фактами. Так обстояло с пьесой "Пер Гюнт". Когда было решено остановить свой выбор на этой драме, первый вопрос их ко мне был: доводилось ли мне бывать в Норвегии? "Нет", — отвечал я. На это они сказали: "Тогда Вам предстоит поехать туда и изучить все обстоятельства". Когда я отказался, они продолжали настаивать, уверяя меня, что полностью берут на себя организацию поездки. Я же объяснил им свой подход: вначале сделать оформление спектакля, а уж затем, возможно, поехать в Норвегию. Я всегда стремился создавать свои работы на основе внутреннего ощущения, исходя из духовных источников творчества писателя или композитора, не привнося в них элементы "реальностей" места действия. В конечном счёте они согласились с моей точкой зрения, однако главные исполнители ролей во время отпуска были отправлены в Норвегию и Швецию, и там у самых истоков вдохновения ими были изучены все детали драмы.

Осенью, когда обсуждали эскизы к постановке, подтвердилась моя точка зрения. Вернувшись прямо из Норвегии, они утверждали, что моя Норвегия была настоящей.

Впервые, пожалуй, планировалось поставить всю драму полностью с её пятнадцатью сценами. Разумеется, предполагалось, что ни одна декорация не будет повторяема, и нам пришлось написать около трёхсот эскизов костюмов, так как первым условием было, чтобы каждое действие полностью отличалось от другого. Московский Художественный театр часто обвиняли в том, что он слишком реалистичен из-за большого внимания к деталям. Но я полагаю, что этот реализм не поверхностный реализм прошлого века. Пьесы Метерлинка также реалистичны, но никто не может обвинить их в дешёвом реализме. Точно так же обстоит дело и с Московским Художественным театром, где постановки ставятся не реалистические, но "реальные"; и, конечно же, каждый согласится, что самая прекрасная сказка в мире — сама жизнь. И как раз эту самую сказку московские актёры претворяют в жизнь, не только в ярких постановках, таких, как "Царь Фёдор", "Юлий Цезарь" и "Гамлет", но даже в пьесах русской жизни, написанных Чеховым, где настоящая трагедия жизни, а не кажущееся сходство с жизнью.

Итак, мы приступили к работе, посвящая многочисленные вечера обсуждению замысла и характерных деталей драмы Ибсена. Во время тех встреч раскрывалась подлинная индивидуальность каждого человека, связанного с театром. Мы воспринимали скептический юмор Станиславского, была понятна сдержанность Немировича-Данченко, и проявляли терпимость к вспыльчивому кавказскому темпераменту режиссера-постановщика Марджанова. После обсуждения меня спросили: "Какие художники Вам будут нужны для написания декораций по Вашим эскизам"? Я знал, что они готовы были предоставить наилучшие возможности для этой работы, и назвал несколько имён художников, попросив их выбрать кого-нибудь одного, кого они сами предпочтут. "Почему одного, если Вам нравятся все? — прозвучал вопрос. — Мы распределим работу среди них так, что каждый получит то, что ближе душе его". Так я получил пять замечательных помощников, причём каждому из них предоставили, насколько это было возможно, лучшую студию и было дано достаточно времени для завершения работы наилучшим образом. И когда возникало какое-нибудь недоразумение, связанное с выполнением работы, меня всегда приглашали из Петрограда, чтобы обсудить ситуацию и предотвратить любую ошибку. Таким образом, такая работа поистине являлась совместным творчеством.

Когда были изготовлены все декорации и мы посмотрели их в деле, нас попросили снять четыре полностью законченные сцены, иначе спектакль получился бы очень продолжительным. Но не думайте, что были разногласия по этому вопросу; даже сокращение пьесы было созидательным, так как оно вершилось не по предписанию, а путем деятельной разработки идеи. Ибо только таким путём можно полностью проверить, как мы осознаём, что самое действенное и выразительное для идеи в целом. И так, с полным взаимопониманием, мы убрали всё, что казалось слишком длинным или слишком скучным для восприятия.

Так же строго подходили и к подбору актеров и персонала. Только после продолжительных и обстоятельных обсуждений назначались исполнители ролей, и вместе с тем, вплоть до пятидесятой репетиции, ни у кого не было ощущения, что достигнута завершенность. Конечно, мы использовали музыку Грига, и дирижер и композитор Московского Художественного театра (который, кстати, написал впечатляющую музыку к спектаклям "Гамлет" и "Синяя птица") совершенно блестяще сделал аранжировку сюиты Грига. Когда осознаешь, как много времени было потрачено на аранжировку музыки для подводного царства в сцене смерти Озе; как много сил было отдано, чтобы музыка звучала в соответствующих местах подводного царства, используя мощь звука до предела его тончайших возможностей, только тогда можно понять, почему на глазах у многих женщин появлялись слезы. Музыка пещеры троллей, сцены Сольвейг

и танца Анитры, столь знакомая, звучала для зрителя как абсолютно новая, потому что картины эти давались в совершенно новом свете в подлинно живой форме.

Конечно, не следует представлять, что такая сложная работа объединённых искусств осуществляется без труда и всегда проходит спокойно и с улыбками. Я вспоминаю, что несколько раз Анитра пробовала новые па со слезами на глазах, ибо непросто без устали менять и искать новую выразительность. Иногда выражение лиц ведущих актеров было так сурово и замечания Немировича-Данченко столь резки и многозначительны, что я, как сторонний наблюдатель, думал — вот сейчас все прервётся, и не мог никак себе представить, смогут ли они вообще продолжать работу на следующий день. Но с наступлением следующего дня каждый член труппы был полон новых сил, идеи и возможностей. Бывало, подходит иногда ко мне актёр или актриса и говорит: "Право же, не могу я больше. Мне кажется, что всё, что я делал вчера, слишком банально. Я выкрикивал слова, но это было слишком поверхностно, я должен искать какие-то иные средства выразительности". И действительно, когда чувствуешь, что должен выразить что-то по-иному, найдёшь, как это сделать. И какая была радость принимать участие в настоящей работе, хотя и нелёгкой, но которая укрепляла истинное душевное старание. Когда, например, нам надо было изобразить шторм и кораблекрушение, всё было настолько продумано и до мельчайших подробностей предусмотрено, что результат оказался достаточно реалистичным, чтобы вызвать ощущение морской болезни. И ещё один случай, мы испробовали бессчётное количество способов для появления из стены чёрной фигуры, и, наконец, она появлялась вполне естественным образом из-под плаща Пер Гюнта, причём иллюзия усиливалась реалистическим шумом кораблекрушения. Да, это сотрудничество было настоящей радостью. Мне очень хотелось, конечно, чтобы многие костюмеры и парикмахеры увидели бы, сколько внимания уделялось костюмам и причёскам исполнителей самых небольших ролей. Когда видишь, как тщательно каждая деталь заранее была продумана, становится понятным, почему всегда в Московском Художественном театре самыми спокойными были дни премьер, так как всё уже было сделано и находилось на своих местах, и оставалось лишь одно — отдать чистосердечно.

И теперь становится понятным, почему зритель Московского Художественного театра был так сдержан и серьёзен во время спектакля и почему спектакль воспринимался не как обычная театральная постановка, а как значительное культурное событие, наполнявшее каждого истинной радостью искусства. Именно поэтому значимость Московского Художественного театра будет особенно велика во всех вопросах, связанных с возрождением России и её будущего. Много подражателей этому театру, возникло немало театральных студий, где стремились копировать, но невозможно подделать подлинные традиции этого театра, ибо они сугубо индивидуальны, и их никому не повторить.

Я очень рад, что Московский Художественный театр приезжает в Америку. Вы здесь уже знакомы со многими видами русского искусства, и этот фундаментальный вид искусства также должен стать известным. Потому что в будущем объединении России и Америки, в которое я глубоко верю, Америке необходимо всесторонне знать Россию и увидеть за красочным театральным занавесом глубокую приверженность к созидательному труду.

Одеяние Духа

Перед нашими духовными глазами прошли блестящие шествия народов. И каждый из этих странников в течение многих веков вложил свою лепту в сокровищницу культуры. И прошли многие народы, и в труде и в борьбе положили свои приношения. Но ещё не наполнена сокровищница мира! И среди бесчисленных жертв в сплетениях тканей, камней и металлов всё ещё смутно чудится истинный лик человечества.

Сколько неотложной работы для всех!

Но одно понятие уже вошло в жизнь. Мы поняли, что все вещи, все детали жизни не создались случайно. Все они полны значения, накопленного веками. Если каждое слово, если каждая буква имени нашего имеет особое значение, если каждый шаг жизни обусловлен следствиями и причинами, то, значит, с каким же вниманием мы должны присматриваться к каждому проявлению великого творчества.

Одни уже сознают ясно, другие ещё как бы во сне прозревают, что вокруг них идёт сложная созидательная работа и какие-то неведомые им условия создают законченные аспекты новой жизни. Как бесконечны эти сложные условия! И какие кажущиеся нам мелочи часто в корне изменяют весь строй нашего существования.

Почему-то в одном обществе люди чувствуют себя удобно. Почему-то в иных условиях люди легко выходят из себя, доходят до страдания и чувствуют полную невозможность действовать успешно.

Сколько интересных догадок и светлых предположений! Сколько тёмных и невежественных заключений!

Но к догадке прибавляется опыт. Опыт просветляется знанием. И люди начинают понимать, что пределы реального мира действительно необозримы, что понятия "мистицизма" чаще всего оказываются просто следствием невежественности. И отрицающий великую реальность всего сущего так же невежествен, как и отрицающий беспроволочный телеграф, радий, передачу снимков на расстоянии и все те реальные научные открытия, которые так недавно казались сказкой.

В приступе самомнения и глупости человек начинает отрицать всё то, что его ум сегодня не знает, что его затёмненное ухо сегодня недослышало. Но ведь в своё время отрицалась и возможность открытия Америки! Примеры разновидностей невежества не нуждаются в опубликовании.

Но жизнь протекает. Понемногу люди начинают понимать, что такое "реальность", начинают сознавать, что жизнь наша полна блестящих возможностей, часто неоткрытых, ещё чаще забытых. Часто уже сообщённых в символах, которые дикому взгляду современного "цивилизованного" человека кажутся детскими или дикарскими стилизациями. Но всё-таки мы помним, что каждая черта старого орнамента полна векового значения. И всё-таки мы сознаём, что каждая гамма красок создаёт какое-то могущественное настроение, которое я мог бы назвать всепобеждающим или исцеляющим.

Могущество цвета! Люди, имеющие перед собой все сияющие цвета бескрайнего неба, пытаются ослепить себя, лишь бы не допустить давно сужденную им радость. Но, одев все серые, желтые и чёрные стекла, рассудок людей всё-таки пытается пробиться и доказать мощь цвета. В наши дни начинают вспоминать связь музыки с цветом; начинают вводить в церковь цветное освещение для концентрации настроения; начинают лечить цветом. Робко пробивается в жизнь то, что должно заявить о себе властно, то, что среди будущих духовных прозрений принесёт новую радость затемнённой человеку.

Люди — цветы Божьи! Но не странно ли, что теперь поле этих цветов покрывает землю таким чёрным траурным покрывалом? Самая праздничная толпа наша заливает лицо земли чёрной, серой лавой. И точно лава, толпа выедает на пути своём всякую радость.

Может быть, жизнь создаёт достойную современности гармонию? А между тем даже во время итальянского Возрождения толпа знала, как мешаться с цветами полей, не удушая их чернилами! Как же помочь? Может быть, просто перебить чёрное поле толпы яркими пятнами? Но ведь даже бык бесится от неожиданного яркого цвета. И если продолжим сравнение толпы с полем цветов, то мы ясно вспомним, что даже самые яркие выражения природы никогда не оскорбляют глаза, ибо космическое творчество всегда гармонично. Выявление этого творчества может даже ослепить наш слабый глаз своею мощью, но оно никогда не даёт соединения оскорбительного.

Но как же перейти от ступени нашего современного слабого глаза к ощущению космической правды? Может быть, мы навсегда или надолго утратили пути правды и света? Может быть, лишь при совершенно исключительных условиях жизни мы можем прозреть? Или надо сменить жизнь для того, чтобы очиститься?

Так каждый из нас в тишине ночи мучительно спрашивает себя. Закрыты ли нам врата света и правды?

И в то же время наш дух подсказывает нам, что ничего запрещённого нет. Тайный голос властно нам шепчет: "Всё близко, всё должно быть жизненно и практично". И самообновление всей нашей жизни должно быть просто: должно быть начато здесь, среди нас, ибо дух человеческий — этот мост ко всему светлому и руководящему — никогда нас не покидает.

Где же признаки? Покинуты ли мы? Не вводят ли нас в заблуждение?

Не в этой лекции мне говорить вам о разных светлых возможностях человеческого духа. Здесь я укажу лишь один из бесчисленных примеров.

Все вы, конечно, слышали о цветных аурах, излучаемых людьми, различимых даже человеческим глазом. Вы знаете, что ауры меняются сообразно нашим духовным достижениям. И каждая мысль наша может и просветлить, и затемнить нашу ауру. Каждый носит при себе мерло своего духовного достижения. На изображениях святых мы видим сияние, то есть стилизацию общечеловеческой ауры, особо ярко выраженной у высокодуховных организмов.

Конечно, речь о цветных аурах всегда считалась областью мистицизма. Даже теологи смущённо говорили о сияниях святых. Но человечество опять поняло, что всё должно быть жизненно и практично; среди своих находений люди опять нашли способ механически выявлять ауру. Теперь вы можете пойти в научный институт и вместе с рентгеновским снимком получить и снимок вашей ауры. Не говоря уже о том, что некоторые люди видят ауру обычным путём зрения.

Но какое же отношение имеет сказанное к вопросу о костюме? Конечно, огромное и ближайшее значение.

Когда вы поймёте значение и смысл цветной человеческой ауры, вы тем самым поймёте значение цвета в нашей жизни, вы поймёте, что такое гармония цветов. И не только поймёте, но почувствуете, насколько просто и близко от ваших рук ещё одно средство для лечения больной современности.

Ещё одна "тайна" природы станет для вас доступною, так же как легко может стать доступным практический смысл окружающих нас стихий.

Всё должно быть так просто. И всё должно нести радость. И женщине, именно ей, суждено принести ближайшие будущие радости мира.

Становясь знающим, становясь практичным, вы понимаете причины вашего доброго или отрицательного отношения к людям и вещам. Сознательно и бережно вы выговариваете слово

"гармония". И это сознание уже выправляет ваш путь к будущему просветлению.

Если дух наш узнал что-то, то, поверьте, остаётся лишь вопрос времени, когда мозг овладеет новым ему сознанием.

Человек носит вечное цветное одеяние духа. Человек помыслами сам окрашивает свою драгоценную одежду в избранные им самим цвета. Человек ищет себе соотношение в окружающей жизни. Человек, конечно, понимает, что мощное сочетание цвета действеннее, нежели испуганный потушенный цвет мыши, цвет сумеречного угасания. И тогда вы чувствуете могущество цвета в жизни вашей. Вашей лучшей аурой вы притянете себе лучшие излучения. Лучшие цвета вещей косвенно помогут вашей духовной одежде зажечься светлее. Все должно быть жизненно. Всюду должно быть сцепление обоюдной помощи.

Человечество уже узнало светлую и тёмную магию знака — магию линии. Большинство старинных орнаментов носят в себе следы благих линий. И потому источник этих наслоений часто очень благостен. Теперь человечество овладеет мощью цвета. И потому вопрос костюма и обихода помимо красоты внешней заключает в себе великое значение внутреннее. И мы сейчас уже условились, что выражения "мне нравится", "мне подходит", "меня радует" могут иметь глубокое и должное значение. И вся жизнь полна этими великими знаками.

И пустой доселе покой наполняется не призраками, но множеством нужных и прекрасных предметов. И вы, как воин, вооружаетесь ими во имя блага, которое каждый из нас должен нести в мир.

Если же кто-нибудь улыбается, не понимая сейчас внутреннего значения сказанного, — пусть улыбается. Потом он так же улыбнется своему неведению.

Красота и гармония стучатся в дверь.

Всё глубже постигая действительность, мы начинаем осознавать, насколько условны зачастую так называемые "летописи наших знаний". Иногда даже величайшие исторические события следует принимать с большой осторожностью. Например, первые страницы русской истории начинаются с описания того, как три варяжских князя — братья Рюрик, Синеус и Трувор — были приглашены славянами управлять ими. Нередко люди задумывались над странным фактом, что после себя Рюрик оставил своих потомков, в то время как легендарные братья совсем исчезли из истории. Но, если обратиться к хроникам скандинавским, найдём, что в славянскую землю пришел "конунг Рурик со своим домом (син хуус) и верною стражею (тру вер)", имея в виду, что Рюрик пришёл с домочадцами и дружиной. Таким образом, видно, как исторический факт о приходе Рюрика с семьёй и стражей был искажён переводчиком, создавшим имена, не существующие ни в России, ни в Скандинавии. Так, истина должна быть тщательно подкреплена фактами.

Все высоко ценят "Песнь Песней" Соломона, и общепринято считать, что произведение было написано самим Соломоном. Позднее появилось много мифических сказаний и преувеличений вокруг поэтической Суламифи. Но если тщательно изучить действительно существующие источники, станет ясно, что "Песнь Песней" была прекрасным официальным гимном, написанным придворным певцом в честь египетской царевны, и даже такие авторитеты, как Ориген и Иероним, подтверждают это. Так, в поисках достоверности выясняется, что Прекрасное не может быть ничем осквернено.

На протяжении долгой истории нашей планеты имеют место подобные несоответствия, относящиеся к правителям. Сравнивая общепринятые описания жизненного пути правителя с подлинными историческими источниками, иногда мы находим совершенно противоположные характеристики. Возьмём, к примеру, официальное представление о великом Акбаре и сравним его с самым высоким исследованием более ученого, но менее известного летописца. Становится ясно, сколько же должно быть проявлено распознавания не для искажения, а для очищения правды.

Часто легенда подтверждается фактами. Приведём следующий пример. Когда вы проходите по прекрасному сказочному царству индейских поселений Америки, когда слышите чудесные песни и любуетесь ритуальными танцами, полными глубокого смысла, знакомитесь с образом жизни индейцев и с их домашним обиходом; когда внимательно разглядываете их ноги, обёрнутые белой тканью, или дивитесь на странный головной убор и рубашки с орнаментом; и когда, наконец, вы постигаете богатую фантазию тотемных столбов, возникает ощущение, что находитесь где-то в западной России или в Сибири, если знакомы вам те места. Как же действительно редко возникает такое поразительное сходство на совершенно разных континентах и в совершенно иных условиях жизни. Так, одно это зримое свидетельство укрепляет древнюю легенду о том, что несколько северных индейских племен мигрировало из Сибири на Аляску. И становится понятным, что легенда эта настолько реальна и очевидна, что ничего не скажешь против, особенно, когда видишь этих коренных жителей страны.

Во время моей поездки в Санта-Фе в прошлом году, д-р Хьюитт, директор музея в Санта-Фе, выразил желание приобрести для выставки некоторые из моих картин. Я обещал ему предоставить картину специально с подлинно русским сюжетом и выбрал ту, где изображен священный танец вокруг древних идолов славянских племён, причём детали были заимствованы из подлинных материалов раскопок, проводимых мною в России. Несколько позже я понял, что намерение представить именно такой сюжет оправдалось полностью, потому что во время

выставки меня много раз спрашивали, доводилось ли мне бывать где-нибудь на Аляске или в деревнях индейцев, поскольку сюжет этот, столь типичный для восточной России или Сибири, как оказалось, очень схож с укладом жизни и американских индейцев. И древний идол славян постоянно сравнивался с тотемным столбом Аляски.

Я несведущ в области языковедения, но думаю, что даже в языке могли бы быть найдены своеобразные элементы, напоминающие о связи двух континентов. Как художник, могу утверждать, что образное и музыкальное сходство говорит мне совершенно определённо о том, что эта древняя легенда не вымысел фантазии, а еще один обрывок достоверности. И сколько же обрывков достоверности, таких простых и совсем рядом с нами, забыто и не понято!

Сейчас, во времена преобразований, следует пересмотреть наши общепринятые научные основы. Но, конечно, с одним условием: мы должны избавиться от предрассудков. Это один из наиболее опасных врагов жизни, который должен быть уничтожен всеми силами духа. И только тогда очень легко нити истины могут сплестись в новый чудесный узор. И этот ковёр поможет нам улететь от реальности прошлого к реальности будущего, и мы поймём, что легендарный ковёр-самолёт не волшебная сказка, а воплотившаяся реальность. Поистине, удивительная сказка жизни может быть воспринята нашим обычным человеческим умом, если он освободится от предвзятости.

Ещё пример перед моим взором. Не только в качестве работы, но даже в Красоту мы вносим ограничивающие предрассудки. Так, в Институте Объединённых Искусств в Нью-Йорке наши слова о единстве разных видов искусства, о полезной и жизненной связи, существующей между ними, вызвали чрезвычайное удивление и потрясение. И всё же, отбросив предрассудки и лицемерие, мы уже видим, что единение искусства не есть идеал только, но может быть применено также в жизни каждого дня, в той самой жизни, где совершается сегодня так много преступлений и так много прискорбной жестокости и лицемерия.

Так, из многих сторон жизни нашей находим бесчисленное количество таких же примеров. Каждый искренний художник, каждый искренний учёный могут дать много достойных подтверждений этому. И поиск истины, помогающей избавиться от условностей и лицемерия, должен стать лозунгом наших дней; мы уже видим, как подрастает новое поколение, готовое не только для борьбы, но и для победы. Только истина! Только достижения!

Теперь нам следует показать ещё один из наших величайших предрассудков. В недавней серьёзной статье находим следующую предвзятую классификацию: "образование, социология, политика, религия, наука (включая медицину), искусство, техника". Законно спросить, почему техника не наука? Или почему социология и политика предшествуют религии? И, наконец, почему место искусства между медициной и техникой?

Такое положение искусства является спорным, потому что только предрассудок может поставить Прекрасное рядом с техникой. Место искусства часто понимается неправильно. Даже писали, что искусство всего лишь второстепенное проявление Божественного. Если под этим подразумевать профессиональное мастерство, то, конечно, здесь не вторичная, но даже более низшая степень проявления.

Но Трисмегиста Красота — всеобъемлющая, всетворящая, всепобеждающая сила — должна занять достойное место. Без преувеличения можем утверждать значимость Прекрасного. Мы должны предчувствовать, что Великий Учитель придёт не только в окружении Любви и Истины, но и в сиянии Красоты. Лишь Красота объединяет разных по духу.

Только в ритмах Красоты струны земли достигают Небес. И с Высот указ был дан об утверждении Красоты насущной. Мост Красоты высок и славен. Проходя сводами его, вбираешь в себя чудодейственные силы. Но пройти по нему может только освободившийся от предрассудков.

Займёмся вопросом, имеющим чисто поучительный характер. Факты жизни дают нам наилучшее представление о подлинной системе образования. Например, как важно познакомиться с такой историей: во время сезона 1913 года в Париже, когда состоялось первое представление балета "Весна священная", композитор Стравинский и я столкнулись с реальностью, просветившей нас. В своё время я предложил для балета сюжет, взяв его из жизни древних славян. Зрелищная сторона оформления балета не превосходила ни яркостью, ни чувством меры оформление постановки "Князь Игорь", которое так высоко по достоинству ранее было оценено парижской публикой. Ни в костюмах, ни в декорациях балета не было ничего непостижимого, а также ничего непонятного, вызывающего отвращение и в музыке, которая, несомненно, в настоящее время широко известна. В хореографии Нижинского были представлены несколько экзотических танцев, но в них также не было ничего слишком эксцентричного.

Перед самой премьерой мы заметили, что господин Дягилев и импресарио Астрок были несколько взволнованы, будто бы ожидая чего-то. А во время премьеры разразился грандиозный скандал. Публика так демонстративно свистела и кричала, что, мне кажется, едва ли могла слышать музыку. Кульминация наступила во втором действии, когда на сцене солировала исполнительница главной роли. Я искренне восхищался её мужеством, потому что ей пришлось танцевать не под музыку, а под аккомпанемент сильно шумевшего зрительного зала, и редкие аплодисменты потонули во всеобщем волнении. "Весна священная" шла несколько раз в том сезоне, и всегда её сопровождал тот же шум, и это несмотря на то, что в зале не было пустых мест. Я сам слышал, как несколько разодетых дам, войдя в ложу, спрашивали друг друга: "Вы не знаете, когда же начнётся шум?"

Если бы меня спросили, в чём причина столь жуткого протеста, я должен искренне признаться в своём неведении. Для меня это осталось одной из больших тайн. Когда ту же "Весну священную" поставили двумя годами позже, её не только встречали овациями, но и единодушно хвалили. И с тех пор все знают об успехе, который балет имел в Париже и других городах. Если раз в столетие происходит изменение общественного мнения, это значит, что на подходе новое поколение. Но если это случается через два года и мы имеем дело с тем же поколением, изменившим своё отношение к одной и той же постановке, то это говорит о том, что за короткий срок происходит ломка стереотипов на происходящие события.

Конечно же, ничего загадочного в столь неожиданном повороте сознания не было. Это был лишь особый ритм предстоящей переоценки ценностей.

Сейчас я не могу вспомнить название очень интересной книги, в которой с научной точки зрения прослеживалась цепь событий от древних времен до наших дней, благодаря чему можно было убедиться, с какой стремительностью за последнее время события сменяют друг друга. Право же, нам следует гордиться тем, что мы находимся на самой вершине этого вихря, извлекая уроки из истории и сохраняя для будущих поколений накопленный жизненный опыт.

Учитывая вышесказанное, мы можем представить образ учителя для ближайшего будущего — здесь подразумеваются все области гуманитарных наук, поскольку все они находятся в одинаковом положении.

Есть два типа учителя, один тип — это учитель, который знает и утверждает. Другой знает так много, что он всегда в поиске. Совсем не так давно учителю-исследователю противостояли многие организации, потому что тогда ещё не выкристаллизовался стандарт жизни. Но теперь уже сформирован кристалл нашего стандарта, и мы не в состоянии создать следующую ступень

жизни. Мы осознаём, что этот холодный кристалл стандарта мешает всем, и человечество готово к настоящему поиску.

В Институте Объединённых Искусств я наблюдал, как проводился очень интересный урок Робертом Эдмондом Джоунзом. Тема занятия была: наружная и внутренняя отделка театра. Его стиль работы с учениками, его обращение с ними не просто как с бессловесными созданиями, а как с настоящими сотрудниками напоминало мне о мастерских старых итальянских и голландских мастеров, где ученики участвовали во всех трудах мастера. И я мечтаю о том дне, когда музыкант подойдёт к такой деятельности, и когда группа таких активных студентов сможет создать что-то действительно жизненное.

В настоящее время очень часто только в театрах и на персональных концертах композиторов можно услышать музыку; музыка не входит в семьи, хотя, как ни странно, в каждом доме есть музыкальный инструмент. Дети играют одни и те же старые этюды, и редко удается услышать, чтобы юные души пытались выразить себя в импровизациях, в началах сочинительства. И даже если они попытаются сделать это, многие родители, родственники и даже учителя воспротивятся их попыткам. Они убеждены, что импровизация испортит технику и, возможно, даже повредит рассудку, но как же иначе нам удастся построить соединительный мост между техникой и самовыражением? Как часто человеческой душе хочется петь, и как часто ей хочется петь что-нибудь своё собственное, некую новую мелодию, соответствующую особому настроению.

И почему должно быть так, что юный художник с самого начала обучения может и должен выражать себя в композиции, тогда как это устремление к самовыражению в творчестве певец и музыкант должны сдерживать? Сам я не музыкант, но знаю, какое огромное значение в моей жизни имела музыка. Хотя не всегда я улавливал тему композитора, но интуитивно воспринимал музыку совершенно по-своему.

В наши дни в основу обучения молодого поколения действительно должно быть положено стремление к поиску. Именно запрещение поиска и привело к идее разрушения всего старого, потому что всё старое в умах молодых ассоциируется с запретом. Но если мы откроем дверь красоте без отрицания и подавления и покажем, как вести настоящий практический поиск, мы зложим в юную душу новое понимание. Всё должно быть разрешено, и существовать должен только один высший диплом — диплом подлинной культуры.

Мне кажется, что время экстремистов, восстающих против всего запретного, уходит. Если мы обратимся к новым, наиболее талантливым композиторам, то больше не заметим явного стремления к крайностям, к разрушению, но вместо этого ощутим сильную потребность в создании нечто динамичного, попытку соединить ритм с нашей внутренней сутью. Возьмите Прокофьева, его музыка кажется мне не экстравагантной, но космической; ту же широту взглядов я ценю и у американцев: у Карпендера, Димса Тейлора, Фредерика Джакоби, Эмерсона Виторна и Гриффиса.

После недавно прочитанной лекции в Институте Объединённых Искусств композитор Эрнест Блок говорил мне о тьме, которую нам следует преодолевать в личной жизни и профессиональной деятельности. Всё это верно, как и то, о чем господин Блок говорил во время лекции относительно непонимания значения ритма, отсутствия конструктивности— всего того, что так явно прослеживается в работах современных художников. Но Голгофа по каким-то причинам всё же существует, и каждому музыканту, каждому художнику, всем, от величайшего композитора и до скромнейшего учителя, приходится выполнять такую же трудную работу, чтобы сочетать существующий ритм жизни с ритмом своих произведений. Если бы сейчас были времена поздней римской или византийской цивилизации, мы не смогли бы найти этот сгармонизированный ритм и балансировали бы на одной ноге. Но если мы стоим на пороге

новой эры, если мы чувствуем, что наше время — это время осуществления гигантских замыслов, то непременно найдём эту согласованность ритма. Всё слабое канет в вечность; но всё, что наделено настоящей силой, сумеет достойно себя выразить.

Перед нами единственный путь — путь открытых окон, дверей, через которые войдёт самая драгоценная прана. И это целительное действие совсем рядом. И молодое поколение подрастает. И нарастает ритм жизни. Так научимся же правильно распознавать священный ритм жизни, ибо закон ритма действует так же конструктивно, как и закон бумеранга — всё возвращается. Поэтому как осторожны должны быть мы в посылке!

Действие

Однажды великий Акбар провёл черту и попросил своего мудреца Бирбала, чтобы тот сократил её, не урезывая и не касаясь концов её. Бирбал параллельно провёл более длинную линию, и тем самым линия Акбара была умалена. Мудрость заключается в проведении более длинной линии.

Когда видите апофеоз суеты наших дней, иногда чувствуете бессилие сократить этот пустой водоворот, эту бесполезную трату сил и возможностей. Только представляя более длинную черту истинного действия, мы можем уменьшить ужас нашего времени — триумф суеты.

Мы должны помнить: молчание двигает, слово же даёт импульс к движению. Молчание — заставляет, слово — увещевает. Величайшие мировые действия творятся в глубоком молчании, лишь прикрытые докучливым шумом и лживой поверхностью звука. Великие напряжения происходят при задержанном дыхании; чем учащённее дыхание, тем сильнее трата энергии. Кто в действии может задержать дыхание, тот уже властелин мировой энергии — той энергии, которая действует и творит в мироздании.

Есть два вида тишины. Беспомощная тишина инертности, которая знаменует распад, и тишина могущества, которая управляет гармонией жизни. Тишина могущества присуща спокойствию владыки. Чем она совершеннее, тем глубже мощь и тем больше сила действия.

В этой тишине нисходит истинная мудрость. Мысли людей представляют смесь правды и лжи. Истинное проникновение замарано лживым пониманием. Истинное воображение извращено лживым представлением. Истинная память загромождена лживыми мыслями. Поверхностная деятельность ума должна остановиться — и молчание заменит беспокойство. И затем в тишине — в этой беззвучной глубине — приходит озарение. И истинное знание становится безошибочным источником истинного действия.

Истинное действие, невидимое для глаз суетливых толп, сказывается лишь на последствиях. Лишь по последствиям вы видите земными глазами, насколько значительнее и длиннее черта истинного действия сравнительно с суетой.

И день суеты есть ночь для действия. Ибо ничто творится суетой, может быть, лишь денежные расписки. Но во всей древности лишь Крез был упомянут по своему богатству, но и его конец был незавиден.

Быть способным среди суеты проявить истинное действие, быть способным к молчанию, к тишине, к озаренному безмолвию — это значит быть готовым к бессмертию. Молчание мощи творит, сохраняет и защищает. Это действие могущественно прямым, непосредственным направлением силы, происходящей из великого естественного источника.

Даже движущееся колесо в его наибольшем напряжении кажется недвижимым. Гармония высшего действия неразличаема земным глазом. Лишь по следствиям вы поймёте приложенную мощь.

Истинная тишина иногда прикрыта внешностью небольшого движения и говора — так же, как океанская волна покрыта наносными бороздами внешних струй. Но эти внешние струи не имеют ничего общего с суетой. Суета носит на себе неотъемлемый признак — она всегда сопровождается пошлостью. Всегда можно легко усмотреть в суете все признаки этой ужасной болезни современного человечества. Во имя чего ищут лучшие элементы человечества? Во имя чего вспыхивают кровавые революции и подвижнические искания? Человеческий дух во всех этих разнообразных битвах борется против пошлости.

Когда толпа обращается в стадо, что случается? Тогда возникает чёрное царство пошлости. "Стадо" стремится к вратам пошлости. То же самое удивительное превращение человеческой

толпы в стадо видим при суете поезда, при суматохе собраний, при куплях-продажах, при ужасе несчастий. Та же суета часто запечатлевается в музыке, в живописи, в линии рисунка или в ритме ваяния.

Спросите, где же тут психологический момент? Но каждому доступно различить, когда этот пароксизм суеты и пошлости наступает. Один признак суеты неизбежен. Выражение глаз немедленно меняется. Среди шумных выявлений суеты вы не видите счастливого взора. Суета лихорадочно кричит: "Ступай, ступай!" И каждый, повинувшись этому приказу, куда-то спешит и рассеивается. Но на щите действия начертано: "Приди, приди". И, повинувшись этому зову, каждый приближается, увеличивая свои возможности. Люди слишком заняты. Они не ждут духовного единения, и от поспешности всегда что-то может случиться. Утратив распознавание, лучшая толпа может обратиться в дикое стадо, полное мерзких инстинктов. Есть много причин этому превращению, но самая главная в том, что пошлость восторжествовала.

Царство этой таинственной силы пошлости безгранично. Та же самая пошлость сбивает с толку толпы; она же позолачивает рамы; она же извращает гимны в "джаз"; она же преобразует игры атлетики в жестокость; она же являет совершенство нелепости условной жизни. Даже губы выкрашены одинаково.

Точно исчезает человеческое обличье, и животное возникает перед изумлённым взором. Но, тем не менее, не отвернитесь от человеческой природы. Надо только изъять её из суеты, и человеческие признаки опять воскреснут. Как химическая реакция! В таком же научном понимании человечество должно понять разницу между суетой и действием.

"Все формы тирании произошли от мягкости" — говорит пословица. "Все виды пошлости произошли от компромисса". Сегодня малая уступка, завтра малейшая уступка, а затем сразу большой жрец пошлости.

Это не общее место, не трюизм. Мы должны твердить это теперь, ибо в ближайшем будущем потребуются много истинного действия и много верного понимания. И в каждом своём движении человечество должно различать, где пошлая суета и где вечное действие.

Мы должны быть практичны всегда. Осуждение прогонит ли тьму? Нет, лишь принесение света истребит черноту мысли. Одно осуждение, критика, отталкивающий процесс не помогут.

Одна только возможность имеется: сократить черту суеты новой, длиннейшей чертой истинного действия. Имейте в виду лишь следствия!

Никогда не победите вы пошлость грубостью или безобразием. Лишь в Красоте заключена победа. Истинно, лишь Красота побеждает пошлость и останавливает дикую суету перед вратами поддельно-золочёного царства. И победа близка! Ибо многое, что мы уже зовём "павшим", просто ещё не "дошло".

Сторожевые башни Америки

Сейчас, накануне моего отъезда на Восток, я чувствую необходимость воспользоваться случаем и поделиться своими впечатлениями об Америке и американском искусстве. Думаю, что имею на это право, поскольку уже двадцать три года назад верил в искусство Америки и содействовал организации первой американской художественной выставки в России, и потому мой оптимизм полностью оправдан.

Сначала я должен рассказать об общем впечатлении от Америки. Часто приходилось слышать, как Америку называют страной абсолютных материалистов. Но каждый находит то, что ищет. Каждый воспринимает мир по уровню своего мышления. Жизнь сложна. Мы часто бываем слепы и глухи к истинным чудесам окружающего мира. Что есть реальность? Что есть вымысел? Люди по своему невежеству часто смешивают эти понятия. Жизнь, как бриллиант, сверкает различными гранями. Очень часто там, где мы видим мерцание красных лучей материалистических, рядом возникают синие и фиолетовые огни. Ошибочно думать, что в бриллианте преобладают красные и зеленые цвета. Если посмотреть на Америку в красном свете материалистической Уолл-стрит, то она, естественно, по внешнему виду кажется только материалистической. Но меня интересовали синие и фиолетовые лучи национальной жизни. Их оказалось множество, и они глубоко взволновали меня. Если присмотреться поближе, то обнаружишь, что жизнь Америки не имеет ничего общего с фондовой биржей или улицей, и поразишься своим открытиям. Здесь, например, сосуществуют бок о бок множество вероисповеданий и церквей. Это прямое доказательство наличия духовности. Собрание любой конфессии происходит при переполненном зале. Люди приходят туда не из-за материалистических соображений, а по зову души. Их привлекают учения Блаватской, Вивекананды, Тагора и других великих деятелей. Эта страна дала Эмерсона и Уолта Уитмена; они творили здесь и нашли отклик в человеческих душах. Эти явления, естественно, скрыты от толп, спешащих по Бродвею и требующих настойчиво механических изобретений. Несмотря на это, механическая сторона не имеет ничего общего с духовной стороной, которая расцветает в тени лифтов и паровых экскаваторов.

Здесь Клод Брегдон говорит вам о четвёртом измерении и о цветовосприятии. Доктор Дибей взволнует вас глубоким научным подходом к астрологии. Доктор Хилл покажет целую вселенную в одной тысячной капли жидкого золота. Вы услышите проповедников Веданты и Бахаи и открытое обсуждение проблем объединения религий и народов, гипотез о лунных жителях и атлантах. Здесь вы встретите людей, интересующихся астрологией и космическим сознанием. Это всё та же Америка, которая, как считают, помешана на деньгах. Страна великая и новая — велики и новы устремления её.

Поверх того, что мы видим, не следует забывать о великих изобретателях, являющихся одновременно и поэтами. Эдисон — изобретатель и поэт; Карнеги — крупный предприниматель и не менее известный поэт. Необходимо иметь ум провидца, чтобы сделать столько, сколько смогли сделать они.

Указав на духовную природу Американской жизни, я не могу не отметить её космической природы. Посредством быстрого эксперимента смешивания разных элементов мира в Америке складывается новая нация. В нашем присутствии формируется новый продукт, новая национальная душа. Из всех последних мировых предприятий это самый замечательный эксперимент. Его реальность открывает практические идеи объединения всех религий и других достижений во имя будущей духовной культуры. А все мы знаем, что духовная культура в конечном счёте победит материалистическую цивилизацию. Мы знаем, что человеческий дух

направляет эволюцию, с каждым днём набирая силу.

В России (а единение Америки с будущей Россией неизбежно) существует прекрасная легенда о затонувшем граде, который появится из-под воды в сужденный срок. Кто знает, быть может, верхушки башен затонувшего града уже поднимаются и становятся видимыми? Напряжённая жизнь, имеющая духовные корни, глубоко скрытые и здоровые, хотя и не всегда очевидные, должна дать мощное и разнообразное искусство. Когда я впервые приехал сюда в 1920 году, сильнейшее впечатление на меня произвело творчество Рокуэлла Кента, Джорджа Беллоуза, Райдера, Джона Сарджента, Дэвиса, Мориса Стерна, Уфера, Р. Ченлера, Слоана, Меншипа, Лачейза, Спейкера, Мелчерза, Прендергаста, Фрисека, Кролла и Стернера. Среди молодых имён я обнаружил Фагги, Девева, Джонсона, Вейзенборна, Хокнера, Шиву. В области театрального искусства моё внимание привлекли Джонс, Урбан и Геддес. Всё это дало мне первое впечатление полного разнообразия существующих в Америке направлений. Несколько художественных групп пронизаны национальным духом, и если в основе его лежат общечеловеческие интересы, то он оправдан, поскольку Америка владеет множеством сокровищ, которые можно выразить через подлинное одухотворенное чувство, присущее нации.

Обратившись к поэзии небоскребов, к романтизму национальных парков, или к глубокому трагизму и красоте индейских поселений, или вновь к мрачным страницам испанского владычества и обнаружив во всём этом так много прекрасного, сможем понять, почему современный американский дух восстаёт против копирования традиций других стран и стремится к выражению красот своих собственных бескрайних просторов. В поисках естественных источников вдохновения я путешествовал по Америке, повидал красоты равнин Среднего Запада, проехал национальные парки Нью-Мексико и Аризоны, пересёк Ниагару и посетил города Тихоокеанского побережья. И я понял, что у этой страны замечательное будущее.

Во время своих путешествий я встречался со многими молодыми художниками, находящимися в бедственном положении. Тяжело говорить, но только через Голгофу куётся характер. Я понял, что в Америке действительно много людей, преданных искусству, которые, несмотря на тяжелейшие условия, не отказались от своей жизненной позиции. Мне кажется, что благодаря этим художникам творческий потенциал Америки растёт и обещает превратить страну в подлинный центр искусства.

Не так хорошо, однако, обстоят здесь дела с коллекционерами произведений искусств. И если мне посчастливилось встретить так много замечательных художников, то не могу сказать этого о коллекционерах. Во всей стране я познакомился только с некоторыми из них. В основном это были скупщики художественных произведений, истинных коллекционеров было мало. В некоторых местах даже не понимали разницы между скупщиками и собирателями. Одновременно я столкнулся с мнением, что обилие художественных работ, собранных в одном доме, свидетельствует о плохом вкусе. Откуда взялось это невежественное поверье? Не знаю и не желаю знать, потому что жизнь сама уничтожит этот глупый предрассудок.

Отсутствие коллекционеров показалось мне ещё более странным потому, что в России собирателей больше, чем скупщиков. В одной из последних статей я уже писал о них. Я нарисовал четыре портрета известных людей: один — преуспевающий бизнесмен, другой — высокопоставленный чиновник, третий — студент университета, четвертый — армейский полковник. Последний был очень бедным человеком, но, даже будучи в таком положении, он, не имея возможности приобретать дорогие полотна, собрал весьма изысканную коллекцию первоначальных набросков картин. При столь разных условиях, общественных положениях и возможностях общим был поиск Красоты, желание иметь дома настоящих друзей: предметы искусства и оригиналы, потому что даже самый малый подлинник ценится выше копии.

Вскоре и в Америке появится такая же приверженность к искусству. Я встречал здесь много его одарённых и вдохновенных проповедников. Вспоминаю урок Роберта Эдмонда Джоунса в Институте Объединённых Искусств и понимаю, как творческая деятельность столь известных художников вдохновляет их учеников. Путешествуя по Америке, я встретил большую группу людей, искренне преданных искусству. Среди них было несколько директоров музеев, таких, как Харше, Эггерс, Лорвик, госпожа Сейдж-Квинтон, Морис Блок, Барроуз, Дадли Крэфтс Уотсон, Эдгар Хьюитт, Курсворт, и другие. Они борются за искусство, и я чувствую, что из "приютов для художественных произведений" — музеев — лучи искусства проникнут в повседневную жизнь.

Теперь уже кажется банальным говорить о подлинно международном языке искусства. Однако следует твердить это, как молитву, потому что только в суровой настойчивости мы можем действовать убедительно. Первое, о чем предупреждает врач: "Прими лекарство однажды и увидишь результат".

Красота-победительница

Из прошлого, возможно из пятнадцатого века, пришла в Россию легенда, в которой Христос назван высочайшим стражем Красоты. Согласно преданию, когда Христос возносился на небеса, некие трубадуры обратились к нему со словами: "Господь наш, Христос, на кого оставляешь нас? Как же нам жить без тебя?" И Христос отвечал им: "Дети мои, я дам вам горы золота и реки серебра, и прекрасные сады. И вы насытитесь и будете счастливы". Тогда святой Иоанн приблизился к нему со словами: "Господи, не давай им золотых гор и серебряных рек. Они не знают, как уберечь их. Какой-нибудь могущественный властелин нападёт и отнимет золотые горы. Оставь им лишь имя и прекрасные песни твои и заповедай, что для того, кто поймёт их и позаботится о певцах, откроются врата в рай". И ответил Христос: "Да будет так. Я дам им не горы золота, а песни мои; и все, кто воспримет их, найдёт врата в рай открытыми".

Вот пример важного для жизни сочетания религии с Красотой, превращение высочайшего религиозного символа в высочайшего стража Красоты.

И ещё одна выдержка из древнеисторической хроники Руси в записи монаха Нестора о том, как князь Ярослав ценил знание и красоту: "Заложи Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложи же и церковь святых Софьи, митрополью и посем церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещенье, посем святого Георгия монастырь и святых Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне и списаша книги многи: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаяем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напоюще вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многи наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам, украси ю золотом и серебром и сосуды церковными. Радовашеся Ярослав видя множество церквей".

Сохранились замечательные выдержки из более поздних летописей пятнадцатого и шестнадцатого веков с наставлением о том, что лучшим духовным достижением правителя является покровительство искусству и более того — введение его в собственную жизнь.

Ознакомившись с вышеуказанным, вряд ли кто удивится тому, что в опере "Снегурочка" царь ещё и живописец, украшающий свой дворец. И это не просто мудрое повествование о достоинстве царском, но и выражение искренней веры народа. Если спросите меня, что послужит пропуском для въезда в русское село, вот вам мой совет: въезжайте с песней, и чем приятнее она будет, тем лучше вас встретят. Если потребуют удостоверение личности, покажите рисунок или картину и будьте уверены, что сможете остаться там навсегда. Это защитит и охранит вас.

Я не склонен идеализировать русского крестьянина, он такой же, как и все другие. При въезде на американскую ферму тот же пропуск будет наиболее действенным. И это не пустое утверждение, ведь мне довелось встречаться со многими фермерами и накопить определённый опыт. Сердце, не испорченное городской суетой, впитавшее красоту природы, останется всё тем же человеческим сердцем, говорящим на общепринятом языке.

Когда "Корона Мунди" [\[1\]](#) попросила меня подобрать для неё девиз, я взял цитату из своей лекции "Красота и Мудрость": "Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже "земные" люди поняли действенное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, — мы

знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак Красоты откроет все "священные врата". Под знаком красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произносим эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее".

Теперь понимаете, что в этой цитате звучит не мечта идеалиста, а руководство к практическому действию. Кто не слеп, должен видеть, что в настоящее время проблема искусства дело не только специального образования; ведь каждому понятно, что красота является наиболее существенным фактором жизни. Прежде рассказывали о художниках, умирающих от голода, в то время как богатые финансисты возводили дворцы. Сегодня всё изменилось: я слышал о банкирах, умирающих на горах обесцененных банкнот. Пронесся слух о том, что целая страна могла бы продержаться на деньги, полученные от продажи старинных гобеленов. Итак, вы видите, как в сущности разворачивается эта великая картина эволюции перед нашими глазами. И ещё одна проблема не меньшей значимости входит в нашу жизнь. Совсем недавно один известный архитектор пожаловался мне, что очень сожалеет об отсутствии постоянного сотрудничества с художниками и скульпторами с момента создания проекта, потому что только при таком взаимодействии может получиться поистине гармоничный результат. Часто приходится слышать от танцоров о необходимости знания скульптуры и пластики, а от художников — о необходимости понимания музыки, раскрывающей смысл цвета. В Институте Объединённых Искусств я приобрёл значительный опыт, работая в этом направлении. Мне удалось показать, сколь многое необходимо собрать под одной крышей, что идея объединения всех видов искусств не оторвана от жизни, а музыканты, художники, скульпторы, архитекторы и драматурги могут творить сообща, поддерживая друг друга, так как синтез искусств не повредит уму, но заставит работать ещё не использованные центры мозга. Ведь известно, что многие мозговые центры остаются всё ещё не задействованы человеком.

Врата рая, о которых упоминалось в древней легенде, существуют не только в воображении. Именно сейчас настало время, когда жизненная сила искусства входит в повседневную жизнь, ибо человечество, измученное политическими интригами, пытающееся освободиться от старых верований, видит, с какой легкостью в обыденной жизни утверждаются новые созидательные жизненные явления.

Рассказывая об Институте Объединённых Искусств, я уже упоминал о том, что даже тюрьмы следует украшать, и это не аллегория. Жизнь большой тюрьмы достаточно просто может быть устроена более привлекательно, и реальный ключ к счастью и радости может быть найден: пропуском послужит песня, удостоверением — картины. И, наконец, если мы прониклись красотой эволюционного развития цивилизации и культуры, то точно так же можем понять, насколько ещё более прекрасная, более высокая ступень эволюции нам предстоит. И она рядом. И она жизненна. И каждому доступна.

И если спросят, почему среди суматохи жизни заботитесь вы об искусстве, смело отвечайте: "Я знаю, что делаю". Друзья, если мы знаем, как насущна была Красота в древние времена, то насколько шире мы можем украсить сияниями Красоты нашу обыденность. Если в средние века считали, что Красота — "Врата в рай"; и если даже скромный древний летописец одиннадцатого столетия мог выражать радость свою перед Красотой, как же необходимо нам черпать из этой основы жизни всё, что может быть введено в повседневную жизнь, повторяя, как молитву, каждый день — Любовь, Красота и Действие.

Как всеобъемлюща Любовь, как проникновенна Красота, как жизненно следует воспринимать мужество Действия! Сказанное не должно быть забыто, когда можем ввести эти понятия в нашу жизнь. Новая эра не за горами, и ни один день не может быть потерян.

Возможно, вы спросите меня, зачем мы должны непрестанно повторять эту молитву Любви и Красоты? Откровенно отвечу вам: среди даже наших сестёр и братьев много тех, кто избегает красоты в повседневной жизни, ошибочно считая, что у них есть веская причина для этого заблуждения. Но если Красота есть Щит Мира, если аура Учителя человечества излучает Свет, то даже самые малые зерна этого Света должны отразиться в нашей жизни. И предстатели и ждущие должны быть первыми, кто приготовит место Красоты в жизни. Поэтому так существенно, до тех пор пока не увидим результатов, повторять эту молитву: Красота — Венец Действия и Любви.

Критерий красоты

Развитие близорукости не вызывает у нас тревоги, мы обращаемся к врачу, и он выписывает очки для улучшения зрения. Если у кого-то обнаружится дальновзоркость, то в этом также не усмотрят ничего необычного или сверхъестественного. Не так обстоят дела с ясновидением. Казалось бы, если понятен принцип дальновзоркости, то что может быть проще, чем распространить его на все другие способы видения. Здесь как раз и начинает действовать предвзятость. Вместо того, чтобы признать чудодейственную силу природы, люди готовы поверить в магию и колдовство — настолько сильны предрассудки даже среди наших так называемых ученых.

Но если бы кто-то очень древний и очень мудрый произнёс слово, простое и понятное, "ясновидение", то внутреннее чувство подсказало бы нам, что каждый разумный человек способен овладеть этим понятием. И лишь загрязнённость некоторых центров мешает этому. По-видимому, как и в случае слабого зрения, мы должны обратиться к врачам, чтобы они очистили наш разум и нашли способ помочь нашему видению. Однако и здесь укоренились те же предрассудки. Привычные штампы ведут нас к состоянию бездействия. Ведь так просто сослаться на какое-то известное имя или претенциозное издание. С большим трудом вживается человек в новый жизненный опыт.

Тем не менее полное осознание идеи перевоплощения сможет облегчить нам земной опыт. Из всех испытаний испытание мощью красоты, как ничто больше, возвышает наши обычные способности. Многократно мы повторяли, что лишь через мост Красоты сможем достичь прекрасных огней противоположного берега, уже предуказанных для нас. Пытались мы убеждать малодушных преодолевать обычаи тёмного средневековья и снова в повседневную жизнь энергично вводить красоту.

Теперь нам предстоит определить, что же мы берём за основу в суждении о красоте. Множество канонических образцов красоты дошло до нас от давних времен. Мы могли бы отметить бесспорные типы красоты, но как только новый тип утверждался, человечество поспешно устремлялось к поискам другого. Так оно и должно быть. Потому что ни поверхностными уставами, ни вычислениями не может быть найдено чувство гармонии. Мы знаем, что для восхождения недостаточно быть только одарённым и добродетельным, также нужна духовность. Лишь через созидательную духовность можно осознать ритм гармонии. Лишь через это качество можно ощутить реальную творческую мощь.

Общеизвестно, что интуиция уже входит в пределы духовности. Поэтому для суждения о красоте мы можем взять формулу: "Через интуицию, на основе большого личного опыта, без всяких условностей и предрассудков".

Во всем многообразии восприятия искусства эта формула всегда будет оберегать нас от сомнения. Невежественные, бездарные, ничтожные и разгневанные будут очень часто пытаться навязать собственное суждение. Они знают, что, внося путаницу в критерий, они спасают себя. В самых напыщенных и пустых выражениях они будут настаивать на правоте своих суждений, но нетрудно заметить, как незначительно и пристрастно всё это. И поэтому мы должны стараться избегать таких узких ограничений нашей существующей действительности.

Всегда духовность приводит нас к чёткому и ясному решению, но как его перенести на крепкий фундамент для искоренения малых гнёзд предрассудков? Создаётся впечатление, что их множество как с правой стороны, так и с левой. Каждое движение уже есть проявленное действие. Как же нам преодолеть отрицания и придать действиям большую значимость?

Не поддаётся описанию суть красоты. Это общеизвестно. Невозможно один вид искусства

выразить другим. Но можно взять за основу некоторые решения, чтобы придать нашим чувствам определённую форму. В суждениях о красоте нас избавит от трудностей такой воображаемый треугольник. Без духовности не понять красоту, невозможен полёт. Не утвердив в основе опыт, без любви к знанию не зложим фундамент, от которого начинается восхождение. Отбросив предубеждение и условности, только тогда сможете продвигаться и постигать смысл ритма красоты.

Много людей и даже специалистов с большим жизненным опытом, не озарённых энтузиазмом. Ибо энтузиазм рождается в прекрасной стране духа. Очень часто приходится слушать лекции, посвящённые исключительно механическим выкладкам, и как смертоносно звучат они, эти безжизненные символы.

Сознание становится слабым и холодным от этих знаков, и они угрожают нам как величайшая опасность эволюции культуры. Время от времени приходится наблюдать, как беспомощны взмахи крыльев духа, лишённых мускулов собственного опыта. Эти прекрасные крылья трепещут в горе, в страдании, не зная, как направить, как выбрать правильный курс. Нам следует знать, куда мы летим. Иначе даже самый посредственный и самый пошлый человек может стать преградой на нашем пути. Вот почему так важно изучать, видеть и слышать сокровища создаваемые.

Ложная духовность знакома каждому: самомнение малого жизненного опыта, путы предрассудков. Кто-то почувствует, что мысль готова к полёту, уже подняты паруса её, уже испытан руль, как вдруг подует вредоносный ветер откуда-то из тесного закоулка, и снова тёмное предубеждение выставляет себя напоказ и преграждает путь к достижению.

О дух человеческий, ты, как губка, стараешься впитать всё отвратительные условности предшествующих беспорядочных жизней. Ты надеешься излечить старые раны пластырем грубого сознания. Но щели в стенах не заделать зловонным хламом. Опасные испарения проникнут внутрь всего дома. Теперь заметим: почему люди так сильно сердятся, когда мы указываем на их предрассудки? Почему так негодует их дух? Да потому что коснулись вы самого уязвимого места и потому что так опасно влияние предрассудков. Во дворцы и лачуги, в университеты и храмы проникает тот же самый микроб.

Можно очистить духовность, можно запастись жизненным опытом, но трудно чрезвычайно усмотреть путаницу и нападения предрассудков. Можно предположить, что озарение духовности произойдёт в один миг, лишь только луч света коснётся определённого центра. Можно уразуметь, что жизненный опыт накапливается не так быстро, потому что даже гений так быстро не может усваивать высокое напряжение нового знания. Но чрезвычайно трудно постичь, что даже живой и блестящий ум всегда в опасности возникновения нового приступа предрассудков. Это особый вид возвратного тифа. И одно средство против этой болезни — твёрдое сознание того, что преодолете силу микробов. Конечно, не нужно забывать, что кризис болезни предубеждения уже неизлечим. И сколько же таких обречённых! Эти неизлечимо больные жаждут заразить вас своей болезнью.

На протяжении почти тридцати лет приходилось мне общаться с молодежью при помощи искусства. Вообразите, сколько суждений, сколько сражений мне довелось выдержать. Но даже в таком обществе можно провозгласить ранее упомянутую основу суждения о красоте. Позвольте мне повторить: "Через интуицию, на основе большого личного опыта, без всяких условностей и предрассудков". На этой основе дальнзоркость преображается в творческое ясновидение. А с ним может быть достигнуто торжество гармонии.

Я познаю! Я смогу творить! Я свободен!

Существует изначальная близость и сходство между Америкой и Россией, и это будет способствовать тесным взаимоотношениям между двумя странами. Перед отъездом в Азию мне приятно говорить о своей вере в предстоящее объединение двух народов.

Благодаря передвижной выставке моих картин, которая практически обошла всю страну, я имел уникальную возможность изучать Америку всесторонне. Побывал я на Среднем Западе, в Калифорнии, Нью-Мексико, Аризоне, в штате Мэн — и предстают перед моим взором красоты природы всей Америки.

В Америку я приехал не как эмигрант, потому что никто меня из России не изгонял. Но я приехал как друг. Двадцать пять лет тому назад уже я понимал значение Америки и способствовал установлению более тесных связей между двумя странами через Искусство. В то время это была только интуиция, а теперь знание и уверенность, и мне теперь понятно, почему эти две страны были всегда миролюбивы и почему возможны самые тесные отношения между ними.

Не только по величию природы, по необъятности простора и разнообразию условий сходны эти два народа. И не только богатством их природных ресурсов похожи они. Но общие характерные особенности народа также довольно близки друг другу.

Очень важно в этом сходстве то, что обе страны не так глубоко укоренили предрассудки и обладают так называемым "открытым глазом". Следующее особо значимое обстоятельство не следует упускать из виду: в России всегда радушно принимали, принимают и будут принимать каждого иностранца. Итальянцы строили Московский Кремль. В некоторых музеях Москвы вы увидите в постоянной экспозиции коллекции картин иноземных художников. Моя собственная коллекция целиком состояла из полотен иностранных мастеров. Сейчас она является собственностью государственного музея Эрмитажа в Петрограде. В правительственных театрах всегда существовали частные итальянские или французские труппы.

С древнейших времён в России повелось так. Святой князь Владимир приглашал к себе византийских художников. Князь Андрей зазывал аланских мастеров. Московские цари принимали итальянцев. Петр Великий — голландцев. Екатерина Великая приглашала многих французских живописцев. А впоследствии, уже в царствование Александра Первого и Николая, мы видим много немецких, французских и итальянских художников. И никогда никому из иностранных художников не препятствовали. И в высоком творческом взаимодействии стили их ассимилировались.

В некоторых небольших странах часто ощущается присутствие узкого шовинизма. И как незначительна отдача этих замкнувшихся на себе стран. Шовинизм — наихудший предрассудок, и из-за него возникали войны, ненависть и многочисленные раздоры. И если мы в состоянии будем возвыситься над этой ограниченностью до уровня вселенского сознания, мы уже на верном пути к грядущим прекрасным достижениям. Легко понять, почему Америка так далека от этого предвзятого шовинизма. Во время одной встречи в Чикаго я, между прочим, поинтересовался, сколько же наций было представлено в одной комнате, где обсуждался вопрос, представляющий интерес для всех присутствующих. И оказалось — разных национальностей — пятнадцать. Конечно, эта встреча была посвящена искусству, и много раз приходилось уже слышать, что на этом мосту Красоты объединяться могут даже люди самых разных принципов.

Приехав в Америку, я почувствовал, что Америка, как и Россия, — страна великая, потому что здесь сосуществует так много национальностей. На протяжении двух с половиной лет своего пребывания в Америке я ни разу не почувствовал к себе как иностранцу ни малейшей

неприязни. В этом явном доброжелательстве предвидится лучшее будущее. Из такого оптимизма рождается самая прекрасная творческая мощь. И только через созидательный труд устанавливается равновесие страны.

Среди многочисленных идеалов единения и практического сотрудничества я видел, как фактически распространялась идея объединения всех видов искусства в Соединенных Штатах. И, действительно, такая мысль, как создание Института Объединённых Искусств, должна быть очень близка духу единения Америки. Некоторые руководители и советники иногда поговаривали о том, что люди, как правило, очень ограничены и поверхностны. Но я не согласен с ними, так как на протяжении своей тридцатилетней деятельности всегда чувствовал, что люди, сами по себе, не глупы, но в них глубоко укоренилось сознание, присущее толпе. Но толпу надо убедить в том, что вы искренни сами, и тогда самые простодушные сердца откроются вам. А кто же станет строить будущее, если не вновь подошедшие? Кто же заложит синтез всего предшествующего опыта в их новый фундамент?

Один очень известный американец сказал мне, что теперь он обращается только к детям. Ничего не добавляя к этой мысли, мы также можем подчеркнуть, что, пожалуй, именно сейчас самый подходящий момент, когда нужно повсеместно обращаться к молодому поколению. Молодежь должна осознать, что для неё открыты все двери. А нам надо осмыслить также, сколько дверей было закрыто до недавнего времени. Такое исследование, без условностей и без предрассудков, преграждающих путь, должно дать в будущем этой стране чудесное поколение.

Могут спросить, с какого возраста следует давать детям что-то подлинное? По-настоящему — с самого первого дня. И все фальшивое, и особенно уродливое, должно быть изгнано из литературы для детей, а взамен восполнено настоящим и значительным. Пока дети не испорчены, интуитивно они всегда хотят иметь в руках настоящие предметы. Самое интересное для детей — это соприкоснуться с вещами старшего поколения. И, если мы не боимся открыть им правду, мы можем действительно достичь многого.

Только повторим ещё раз, что самое счастливое будущее может быть достигнуто тогда, когда пойдём по мосту настоящей Красоты без шовинизма и предрассудков. Америка и Россия на этом мосту объединятся.

Я буду по-настоящему искренне рад вернуться в Америку и снова увидеть моих дорогих друзей.

Крылья, крылья! Вы растёте болезненно. С 1944 года человечество пришло в космическое беспокойство. Пока одна часть людей занялась плохо объяснимой стрельбой, другая инстинктивно задвигалась. Случилось странное: с числом убитых возрастало число путников по всем путям передвижения. Явное уменьшение людей вызывало чрезвычайное переполнение городов и гостиниц. Всё поднялось. Всё поехало. И как сонный человек в кошмаре, правительства замахали руками, пытаясь преградить путь блуждания народов затруднениями виз и разрешений. Но человеческий поток сквозь пальцы устремился.

Уже девять лет бродит человечество. Толкается из угла в угол. Произнесло весь словарь добра и поношения. И сам земной шар сделался малым.

Но среди судорог, среди опасных взлётов за поисками чудесного края начинают расти крылья. И мысли начинают клубиться выше, и сквозь дым мечтаний начинают светить возможности действительных достижений. С болью, но крылья растут.

Милые люди, опять я увидел, как вы путешествуете. Опять я увидел в руках ваших книжку Бедекера с перечнем волшебных находений красоты. Голгофы страданий искусства и знания досыта накормили железные дороги, гостиницы, компании Кука и всё, что цепко следит за блужданием толп. Вы отлично пользуетесь всей аптекой творчества. Даже ваши закружённые в водовороте глаза ищут лечения искусством.

Великими трудами кто-то строил пантеон Красоты: кто-то трудился, раскладывая находения по пробиркам критических лабораторий.

И вот является ваш автомобиль, и опытный повар подносит вам изысканную трапезу красоты. Но может ли желудок ваш переварить эту пищу? Да и имеете ли вы право входа в трапезную? Дали вы когда-нибудь что-нибудь, оправдавшее ваше приближение к искусству и знанию? Вообще умеете ли вы дать? И говорили ли вам, что лишь давшие получают?

Если же вы не имеете права на вход в храм, если вы не заработали сами своим трудом, если вы желаете лишь получать, то не вам ли принадлежит кличка паразитов? Ибо вы ползаете по храму, не внося в него ничего. Вы бороздите собой лик земли; бесцеремонно толпитесь на ступенях чужих завоеваний и легкомысленно полагаете, что все труды и творения для вас.

Будьте сегодня честны и сознайтесь, что вы не только ничего не сделали для роста искусства и знания, но вообще даже не знаете, как это и сделать. И как ничтожны ваши оправдания.

Вы иногда слушали музыку; ваш глаз скользил по картинам; вы похлопывали рукой скульптуру и, зевая, вы отдавали час времени для прослушивания именитого лектора.

Но затем, когда автомобиль переносил ваше драгоценное тело до дома, во что претворялись впечатления ваши? В скуку, в зевок, в обед, в злословие. Потому, когда человек имущий и с возможностями будет вам говорить об искусстве и знании, всегда спрашивайте его: "Что же вы сделали для красоты, чтобы иметь право говорить о ней?" И ещё скажите ему: "Вот с этого дня, встречаясь с красотой, будете всегда вспоминать, что вы паразит, — доколе не попытаетесь принести свой камень вечному храму, доколе не заработаете право входа".

И видим непринесших. Видим людей с потухшими взглядами, когда, сгорбившись, они сидят у целебных вод, ожидая очередь влить глоток механической жизни. Слышим их разговоры — сожаления о прошлом дне. И весь мир закрылся для них.

И нет сознания, что всё оупение сменилось бы быстро, если бы хоть одна из вечных целей прекрасного открылась им. И они поняли бы, что вне возраста, вне телесных болезней, вне всех предрассудков они могли бы немедля подойти к вечной радости духа. Ибо не страдание, а

радость заповедана. Иначе жаль всех людей, бесцельно стремящихся ублажить вас — бесцельных. Жаль ваших портных и прачек. Жаль ваших шоферов, ибо даже не знаете, какой адрес дать им. И тут же рядом лежит весь прекрасный мир — мир радости, созданий и достижений. За ласку, за улыбку о красоте затвор первых врат уже повернётся. А за желание отдать упадёт и второй замок.

Попробуйте отдать или хотя бы предложить что-то, но без себялюбия и сомнения. Возмездие сторицей уже ожидает вас. И не в будущих жизнях, а именно теперь, здесь, если только уловите ритм жизни.

Ритм — это гармония. Путники, ради права входа умеете отдать!

"Ты, имеющий ухо.

Ты, имеющий глаз открытый.

Ты, познавший меня, будь благословен.

Устремив твой взор, подобно соколу, в даль.

Через красоту подойдёте.

Вам поручил сказать — Красота!"

Великие перемены произошли за последнее десятилетие. Много башен предрассудков и невежества рухнуло. Только слепые и глухие не чувят стука новых сил, вступающих в жизнь. И приход этих вестников так прост, как бывает просто всё великое.

Три великих дара посланы человечеству. Познание единого духа вносит в бытие единство любви и религий. Познание чуда искусства открывает врата в царство Красоты. Познание космической энергии приносит идею о единой, всем доступной мощи. И во имя озарённой Новой Эры мы должны молитвенно и действенно принять эти три благословенных дара.

Инквизиторы не верили утверждению Галилея о вращении земного шара. Соломон де Ко был посажен в сумасшедший дом за его уверенность в силе пара.

Фултон был осмеян даже своим собственным братом. Галилей со скорбью писал, что "профессора" в Падуе отказались принять что-либо, касающееся планет, луны и даже самого телескопа, и что они ищут истину не в мире или в природе, но лишь сравнивая тексты и стараясь освободить небо от планет по правилам логики и риторики.

Спустя двести лет Гегель, основываясь на своих философских сравнениях, пытался доказать невозможность существования планет между Юпитером и Марсом. Но именно в тот же год Пиацици открыл первую из этих малых планет.

Огюст Конт отрицал возможность исследования химической природы светил. Но спустя пять лет спектральным анализом уже была введена классификация небесных тел по их химическому содержанию.

Араго, Тьер, Прудон не могли предвидеть будущность железных дорог. Томас Юнг и Френель были публично осмеяны лордом Брумом за открытие световых волн.

Академия наук в Петербурге не хотела иметь в составе своём Менделеева.

В 1878 году Буиллио, член института, присутствуя при демонстрации Демонселем фонографа Эдисона перед французской академией, объявил, что это только фокус, а через полгода предупредил академию не верить "американскому шарлатану".

Незадолго до этого и существование самой Америки отрицалось.

Так было. Так бывает. Но так не будет на новых путях.

"Судите лишь по делам", "судите лишь по следствиям". Будем помнить эти простые слова теперь, во время действия, когда всякому пустословию нет места. В дни борьбы и исканий человечество устаёт от пустых рассуждений обо всех условных формах современной жизни. Без творчества в жизни все суждения и придумывания бесполезны. Вы можете толковать о путях сообщения, об обмане, о промышленности, о денежных системах и о бесчисленных попутных предметах. Но куда же вы попадаете по всем этим "путям сообщения"? В итоге они приводят вас к новым средствам убийства и разрушения. Покуда не будет истинного понимания мира, все эти "пути сообщения" обречены на гибель. И все следствия трудов человеческих будут стираться с лица земли. Но понять истинное значение мира невозможно, пока человечество не постигнет различие между "механической цивилизацией" и грядущей культурой духа.

Даже приблизительное понимание основ истинной культуры совершенно преобразит жизнь и создаст необычайные условия для всех блестящих открытий, сужденных человечеству в недалёком будущем. Много будет достигнуто, если исследователи, смелые и радостные, будут знать, как подойти к истинной природе вещей без предрассудков, так свойственных и нашему "цивилизованному" состоянию. Жизнь по-прежнему полна предрассудков, приличных разве тёмному средневековью. Тем не менее именно сейчас лучшее время для прихода истинного знания и красоты.

Вы можете предполагать, что выявление индивидуальности разных народов требует и различных форм. Но одно условие незыблемо навсегда: условия жизни не только должны быть цивилизованны, но и должны носить признаки культуры. И когда вы рассуждаете о будущем, всегда имейте в виду, что все новые условия должны быть именно культурны.

Но как перенести в жизнь столь доступное, но не усвоенное понимание культуры? Конечно, не на словах и заоблачных проектах. То, что сейчас нужно, так это упорный труд, практичный и озарённый. Грядущая жатва всех забытых сил природы расцветёт именно здесь на земле.

Творчеством и знанием эта реальность культуры займёт своё место жизни. Только великая Красота и Мудрость укрепят строительство новой "завоёванной" жизни. Именно теперь время для достижения сосредоточения в работе. И каждый работник не должен думать, что он незначителен, но именно каждому открыт путь высшего достижения.

Не Вавилонскую башню строит человечество. Всеобщий язык человеческий знает каждый, для кого Красота не мёртвое слово. И мысли о ней, чистые, как голуби, уже летают по всему миру.

С особым вниманием и радостью мы следим за молодежью сегодня. Их сердца бьются особо и ново. Ведь они будут строить новый мир, и, когда их можно хвалить, наши сердца наполняются надеждой. И мы слышим похвалы молодёжи, ибо она трудится и, следовательно, укрепляет свой дух.

В настоящее время Америка пытается помочь многим странам. Эта помощь доставляет нам радость, ибо она приходит от друзей будущего. Эта помощь вселяет веру и служит добрым предзнаменованием.

Открыв сердца к красоте, вызывая молодые силы к широкому кругозору, народы решают своё будущее. Среди настоящей трудной борьбы народы начинают понимать, почему практично и выгодно выдвигать и охранять сокровища культуры. Они знают, что новое утверждение жизни будет воздвигнуто по этим иероглифам мудрости, ибо прошлое лишь окно к будущему. Через это окно придёт светлая радость возможности принести друзьям новые, мирные находки Красоты.

Многие спрашивали меня в течение этого года, что за причина основания в Нью-Йорке Института Объединённых Искусств и "Короны Мунди". Конечно, лицам посвящённым основание этих учреждений не случайно. Оба учреждения отвечают нуждам нашего времени. Меня просили дать девизы для них, и я избрал две цитаты из моих статей. И твержу, что в наши дни острой борьбы и международных недоразумений они жизненно практичны.

Для Института я предложил: "Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата "священного источника". Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придёт это чувство, но после оно очистит всё человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем..."

Для "Короны Мунди" следующее: "Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже "земные" люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, — мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая

музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все "священные врата". Под знаком красоты мы идём радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произносим эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чужой путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее".

Сидящие в сереньких норках думают, что эти утверждения слишком идеальны, и сомневаются в практическом применении их среди нашей усложненной жизни. Но эти сомнения происходят только от личного невежества, от забитости стеснением мелкой городской жизни. Но наш путь не с ними, ибо мы видим, как легко рушатся домики их серой посредственности. Возьмите простые, здоровые души не из закоулков города, а из природы, из необъятного мира, где растут истинные возможности. От этих людей вы услышите совершенно иной ответ. Даже простые русские поселяне поняли растущую ценность предметов искусства, предпочитая их денежным знакам. Они же оценили значение песни и музыки. И правда, если змеи могут быть очарованы музыкой, то как велико значение её для души человеческой.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что ни одно правительство не станет прочно, если оно не выразит действенное почитание всеобъемлющей красоте и высокому знанию.

И если пути сообщения понесут для обмена не пушки и яды, но красоту и светлое знание, то можно представить, как ни одна рука в мире не поднимется уничтожить эти дары света. Есть одно положение, когда Красота всегда побеждает, когда даже скептики и невежды умолкают и начинают сознавать, что перед ними стоит мощный двигатель.

Все возможности нижних путей уже были использованы. Мы имеем великолепные яды. Имеем разрушительные взрывы. И ножи так заострены, что могут проникнуть в любое сердце. Какой торжественный апофеоз разрушения! Должно было пройти около двух тысяч лет "Эры любви и самопожертвования", чтобы достичь такого совершенства вражды. Чтобы узреть блестящие спектакли ипокритства и пошлости! И так полюбили заниматься "международным правом". Жаль этих профессоров международного права. Их положение сейчас непрочное. Обсуждать мир за столом, под которым лежит лучший динамит, не очень приятно. И невозможно помочь им, пока они не обратятся к правильным поискам мира.

Если кому-то захочется поспорить с нами о жизненном значении Красоты, мы с радостью приоткроем наши доводы. На нашей стороне будут беззвучные факты истории, и все утверждения будут основаны лишь на действительных следствиях. Когда люди обвиняли меня в чрезмерном идеализме, я мог сказать: "Простите, именно я реалист, ибо основываюсь на знании и на фактах, на синтезе знания и красоты, а вы — беспочвенные идеалисты, ибо верите клочкам бумаги".

Говоря о творчестве, об искусстве, я не имею в виду лишь великих выразителей: не только о Вагнерах, о Шаляпиных, о Рембрандтах идёт речь. Каждый искренний вклад подлинного устремления духа вносит убедительность и струю свежего воздуха. Недавно в Институте Объединённых Искусств давал свой первый концерт маленький мальчик. И можно было видеть, как самые различные сердца, слушая его, объединились. Даже неприятели временно забыли свою вражду. И если принцип этого воздействия очевиден, то размеры его могут быть расширены в бесконечность. Сколько трудных социальных и национальных проблем может быть разрешено на мгновение, ибо в действительности они и не существуют. И за возрождением Красоты вы можете различить Великий Лик Единой Религии, в простейшем виде явленной под крыльями Красоты.

Всегда верю, что наиболее идеальное является наиболее практичным. И каждая организация, в которой приходилось принимать участие, являлась лишь лишним примером. Если кто-то будет указывать, что начинание слишком идеалистично и потому стоит вне жизни, скажите ему: "Ошибся, милый, это начинание нежизненно, потому что оно недостаточно

высоко". Как в математике, когда вы имеете дело со странными фигурами, кажущимися далёкими от жизни, но в применении их в действии они равняются магнетическим силам, отвечая жизни во всех её атомах. И по этому пути вы восходите опять к простому утверждению: с высоких гор больше увидите. И при ясном взоре можно заметить, что кажущееся разрушение в действительности лишь часть созидания.

Среди детей у меня много друзей, и я всегда особенно горжусь, когда вижу на моих выставках этих маленьких посетителей. Правда, кто же может простейшим путём воспринять действенную силу искусства? Простые люди и дети. При составлении новой международной армии новой эры не должны быть забыты именно дети и люди труда и природы, и особенно женщины. Новая Эра должна иметь и новых воителей. И лучший знак этой армии — настоящий паспорт, почётный и вечный, — есть знак истинной культуры. Перед этим знаком откроются все пути сообщения. И как прост и прекрасен будет этот жизненный знак.

Мы замечали, величайшими врагами Красоты являются пошлость, ипокритство, эгоизм и поверх всего невежество. Последнее хотя вредно, не так опасно. Ибо эта болезнь может быть излечима. И лучший совет для начала лечения — обратиться к первоисточникам. Стремление без предрассудков, основанное на изучении действительной жизни, откроет глаза заблевающим. Одна женщина, которая читает лекции и искренне стремится объяснить значение искусства, однажды спросила, как назвать её профессию? Я предложил для неё ближайшее определение: "чистильщица окон". Это не была просто шутка. Можно смело утверждать, что каждое человеческое существо имеет открытый доступ в царство Красоты, если только пыль жизни и оконная грязь не затемняют это проникновение.

Вспоминаю также другой разговор с человеком официального положения, который пришёл говорить по этому же предмету. Во время трехчасовой беседы он отрицал всё, что я сказал ему, а я покрыл всё сказанное им. В конце я сказал: "В течение трёх часов вы отрицали все услышанное от меня, а я нашел место всему сказанному вами. Будьте честны и скажите, чье положение лучше?" И можно было видеть, как он был озадачен, понимая, что он выявился лишь духом отрицательным. И сколько их, этих отрицающих, ходит по всем путям жизни, лишь мешая, лишь отрицая, лишь суетливо перебегая путь. Но если удастся им раскрыть глаза, то они будут поражены своим невежеством. И они увидят, как легко в нашей жизни каждого дня новый порядок, новое понимание может быть установлено жизненно и действенно.

Запомните твёрдо: "Не сны, но действия. Не мечты, но следствия". Но откуда же придёт эта всеобъемлющая энергия усвоить и вместить истинные, жизненные идеи? Друзья мои, вы найдёте свои возможности в неисчерпаемой энергии воздуха, в блеске солнца. Только из света рождается жизненная улыбка.

"Эволюция Космоса начинается, когда я отражаю мой разум в вечной энергии".

(Бхагавад-Гита)

(Из лекции, прочитанной в Калифорнийском университете 19 сентября 1921 г.)

От невежества — тьма, от знания — свет. Ложное искусство — заурядно; истинное искусство творит радость духа и ту мощь, из которой произрастёт наше будущее.

Следует тщательно отобрать всё, что может повести человека новым путём. Как в доисторические времена палеолит был вытеснен неолитом, так и в наши дни на смену механической цивилизации приходит культура. Друиды тайно поклонялись законам мудрости; подобно этому в нарождающемся царстве духа внимание обращается к знанию и красоте. Многие на родине уже освещены этим тайным огнём; многие уже объединены им, каждый пробудившийся уже является атомом в новом строении. Та же самая мысль возникает в разных странах одновременно, подобно сильному растению, дающему жизнь многочисленным молодым побегам из единого корня.

Друзья, не хотите ли послушать о русском искусстве? Вы заинтересовались и дружелюбно ожидаете. И совершенно справедливо. Русский народ всегда был близок к искусству. С давних времен все традиции его жизни были пронизаны истинным искусством. Древний героический эпос, фольклор, национальные струнные и духовые инструменты, кружева, деревянная резьба, иконы, архитектурный орнамент — всё говорит об истинно художественном вдохновении. И даже теперь выставки, концерты, театральные постановки и публичные лекции неизменно привлекают множество людей. В Москве из двухмиллионного населения каждую выставку посещают десять тысяч человек (в то время как среднее число посетителей художественных выставок в Лондоне равно пяти тысячам из десятиmillionного населения).

Совсем недавно Куприн писал: "Русские деревни приветствуют интеллигенцию. Она приблизилась к пониманию крестьянства. Вновь прибывшего студента, будь то мужчина или женщина, доверительно просят учить маленьких деревенских детей, чьи старшие братья и сестры стремятся к изучению не только музыки, но и иностранных языков. Встречаются и бродячие фотографы со множеством заказов. Художник, способный воспроизвести на куске холста приблизительное сходство с человеческим лицом, может рассчитывать на долгую и благополучную жизнь в деревне. Я говорю благополучную, потому что деревенские жители искренне опекают этих неизвестных художников".

Я тоже мог бы привести многочисленные примеры любви к искусству и просвещению среди простого русского народа.

В одной статье не охватить все области обширных владений русского искусства. Однако можно наметить вехи и главные направления, которые поведут нас от современности в глубь веков.

Кроме современных русских мастеров: Серова, Трубецкого, Врубеля, Сомова, Бакста, Григорьева — вы высоко оценили наших выдающихся соотечественников, таких, как Репин и Суриков, Нестеров и Левитан. Вы также узнали имена старых мастеров: классика Брюллова, религиозного гения Иванова, толкователя народной жизни Венецианова и наших великих

портретистов Левицкого и Боровиковского. Но всё же необходимо с высоты птичьего полёта показать характерные национальные особенности и движения русского искусства.

Наше искусство очистим ли? Что возьмём? Куда обратимся? К новым ли перетолкованиям классицизма? Или сойдём до античных первоисточников? Или углубимся в бездны примитивизма? Или искусство наше найдёт новый светлый путь "неонационализма", овеянный священными травами Индии, крепкий чарами финскими, высокий взлетами мысли так называемого "славянства"?

Всех нас бесконечно волнует — откуда приходит радость искусства? Радость искусства, хотя и менее осязаемая, идёт. Мы чувствуем звучащие, уже близкие шаги этой радости.

Среди недавних достижений одно значительно и ярко: быстро вырастает сознание о декоративном, украшающем начале искусств. Подлинная цель и назначение искусства снова выдвигаются вперёд, правильно понимаются как украшение жизни. Украшать жизнь так чтобы художник и зритель, мастер и пользующийся объединялись экстазом творчества и ликовали радостью искусства.

Можно мечтать, что именно исканиями нашего времени буду отброшены мёртвые придатки искусства, навязанные ему в прошлом веке. В массах слово "украшать" будто получает опять обновление значение.

Драгоценно то, что культурная часть общества именно теперь стремится узнавать истоки искусства. И, погружаясь в эти чистые родники, общество вновь поймёт всё великое значение слова "украшать". Это может вызвать появление совсем нового стиля и привести к новой эпохе, нам совершенно неведомой. Эпоху, по глубине радости, конечно, близкую первым человеческим экстазам.

Цветы не расцветают на льдах. Для того, чтобы сковалась новая эпоха, нужно, чтобы вслед за художниками всё общество приняло участие в постройке храма. Не холодными зрителями должны быть все люди, но сотрудниками работы. Мысленное творчество освятит все художественные проявления жизни — необходимость в выставках, художественных галереях и частных коллекциях движет искусство — такое творчество и будет тем сердечным теплом, без которого корни цветов высыхают.

Всем хочется заглянуть вглубь, туда, где сумрак прошлого озаряется сверканием истинных драгоценностей, то роскошных, то скромных и великих только чистотою мысли, их создавшей. Попробуем решить, что бы мы могли увидеть, если бы переместились в разные далёкие века? Удивились бы мудрости внутреннего художественного инстинкта или нашли бы только гениальных детей? Не детей мы нашли бы, но мудрецов.

Не будем описывать отдельных предметов древнего искусства; такие измерения и объяснения могут обидеть их авторов и настоящих владельцев. Впечатление гармонии нужно в искусстве; и всё красивое и чистое, благородное и замечательное надо принимать как искусство. Клевета не страшна. Когда говорят о современном искусстве, то больше обращают внимание на тёмные стороны дела. В таких порицаниях чувствуется молодость страны.

Поспешим в тридцатые годы прошлого столетия и ещё дальше. Многие из того времени затронет струны наших душ: благородный расцвет эпохи Александра I, истинно декоративный блеск времени Екатерины Великой и Елизаветы (XVIII в.) и непостижимые совмещения искусства эпохи Петра Великого. По счастью, большая часть его избежала разрушения и живо говорит за себя.

Что ещё гораздо менее известно и понято, так это допетровские времена. Наше представление о них долгое время было хаотичным из-за примеси собственных домыслов, которые всегда есть результат малого знания. Самый верный способ изучить постройки и церкви допетровской эпохи — это мысленно перенести в них сокровища наших музеев,

ювелирные изделия, ткани, иконы и т. д.

Самое достойное место среди произведений древнерусского искусства следует отвести иконам. Как магически декоративны Чудотворные лики! Какое постижение строгой силуэтности и чувство меры в стеснённых фонах! В них отразилось величайшее понимание приёмов силуэтной живописи и глубокое чувство пропорции в написании фона. Кажется, что лики Христа, Девы Марии, некоторых самых любимых святых действительно излучают энергию, им присущую: Лик — грозный, Лик — благостный, Лик — радостный, Лик — печальный, Лик — милостивый, Лик — всемогущий. Всё тот же Лик, спокойный чертами, бездонный красками, — Чудотворный.

Только недавно осмелились взглянуть на иконы, не нарушая их значения, со стороны чистой красоты; только недавно рассмотрели в иконах и стенописях не грубые, неумелые изображения, а великое декоративное чутьё, овладевшее даже огромными плоскостями. Мы мало ещё умеем различать родственную связь этого чутья с настоящей техникой и знанием, но рассуждения "специалистов" о стенописи и иконах даже вызывают сильное чувство боли и обиды за эти работы.

Разве мало почувствовать ликующую смелость красочных выражений в стенных покрытиях храмов Ярославля и Ростова? Достаточно просто взглянуть на интерьер храма Иоанна Предтечи... Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивой охрой! Как легка изумрудно-серая зелень и как у места на ней красноватые и коричневатые одежды! По тепловатому светлому фону летят невозмутимые архангелы с густыми желтыми сияниями, и белые их хитоны чуть холоднее фона. Нигде не беспокоит глаз золото, оно положено так совершенно и так продуманно. Воистину эти изысканные росписи — тончайшая шелковистая ткань, достойная одевать Дом Предтечи.

В лабиринте церковных ростовских переходов каждая открытая дверка поражает вас неожиданным стройным аккордом красок. Или на пепельно-белых стенах сквозят чуть видимыми тонами образы; или пышет на вас жар коричневых и раскалённо-красных тонов; или успокаивает задумчивая синяя празелень; или как бы суровым словом канона останавливает вас серыми тенями образ, залитый охрой.

Вы чувствуете, что сделалось всё это не случайно, что и вы не случайно зашли в этот Дом Божий, и что эта красота ещё много раз будет нужна вам в вашей будущей жизни.

По словам старинной книги XVII века, работа делалась "лепо, честно, с достойным украшением, чтобы предстоящим мнети бы на небеси стояти пред лица самих первообразных".

Когда позже писали знаменитую чудотворную икону Иверской Божьей Матери, обливали доску святою водою, с великим дерзновением служили божественную литургию, мешали святою воду и святые мощи с красками, только по субботам и воскресеньям живописец получал пищу. Велик экстаз создания иконы, и счастье, когда выпадал он на долю природного художника, вдохновлённого красотой векового образа.

Прекрасные заветы великих итальянцев в чисто декоративной перифразе слышатся в русской настенной росписи; татарщина внесла в русскую кисть капризность Дальнего Востока. В царском периоде нашей истории XVI в. декоративность каждого дня жизни достигла своего расцвета. Строительство в храмах, палатах и частных домиках даёт прекрасные образцы понимания пропорций и чувства меры в украшениях. Здесь спорить не о чем!

Бесконечно изумляешься благородству искусства и быта Новгорода и Пскова, выросших на "великом водном пути", от Балтийского моря до Чёрного, напитавшихся лучшими соками ганзейской культуры. Голова льва на монетах Новгородской республики, так схожая со львом св. Марка... Не была ли это мечта северного великана о далёкой южной царице морей — Венеции? Современные белокаменные стены Новгорода — "Великого города, который был сам себе

хозяином" (цитирую полностью его древнее название) — выглядят так, как если бы они были украшены ганзейской росписью. Новгород, знаменитый и мудрый беспредельными набегами своей вольницы, скрыл от случайного прохожего свой лик — не от стыда, но от каприза — на славе знаменитого старого города не лежит никаких тёмных пятен. Многие старые особенности он сохранил даже до XIX столетия.

Иначе оказывал влияние Дальний Восток. Монгольские набеги посеяли такую ненависть, что их украшения остались в небрежении. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повела их богатыми дарами Китая, Тибета и Индостана. Русь не только страдала от татарских мечей, но сквозь звон их слушала сказки о чудесах, которые знали искусные греки и хитрые арабы, странствующие по Великому пути от норманнов к востоку.

Монгольские летописи и повести иностранных посольств тех дней толкуют о непостижимом смешении суровости и утончённости у великих кочевников. Повести знают, как ханы собирали в ставку своей лучших художников и мастеров.

Кроме установленной всеми учебниками может быть иная точка зрения на сущность татар. Татарское презрение и жестокость заставили русских князей отказаться от кровной вражды и сплотиться против общего поработителя; татары проучили их всемогуществом безжалостных побед; но они же принесли древнейшие культуры Азии и разнесли их по всей опустошённой русской земле.

Ещё хуже вспоминать древние орудия, которыми русичи в усобицах своих ещё раньше татар нарушали города друг друга. Белые стены русских храмов и башен, по словам древних летописей, "сияющие белизной, как сыр", много страдали от тяжелых русских таранов.

Когда идёшь по равнинам за окраинами Рима, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиmillionная столица цезарей. Нам почти невозможно представить себе величие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Обрывки стенописи в киевских соборах, все эти огромные большею частью фигуры мудрецов, очерченные кистью настоящих мастеров, дают представление о том, что значило в те времена искусство (X–XII вв.).

Несколько лет назад в Киеве при раскопках найдены остатки каких-то стен, фресок, изразцов и орнаментов. Думают, что это остатки княжеских дворцов. Я видел несколько изысканных фресок и обнаружил в них черты малоазийской культуры. Техника кладки говорит о технически необычном характере постройки, чем отмечены времена горячего порыва строительства. Думаю, палата Рогеров в Палермо даёт представление о палатах Киева.

Это было настоящим слиянием Севера и Юга: скандинавская стальная культура, униженная сокровищами Византии, дала древний город, тот город красоты, из-за которого потом восставал брат на брата. Поразительные тона эмалей, тонкость и изящество миниатюр, простор и спокойствие храмов, чудеса металлических изделий, обилие тканей, лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту, иначе всё оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходуется только на блеск подвигов.

Вот терем:

Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точёные,
Каждая с маковкой-жемчужинкой;
Подворотня — дорог рыбий зуб,

Над воротами икон до семидесяти;
Серед двора терема стоят,
Терема все златоверховатые;
Первые ворота — вальящатые,
Средние ворота — стекольчатые,
Третьи ворота — решетчатые.

В описании прослеживается сходство с эгейскими постройками и Траяновыми колоннами.
Вот всадники:

Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки — золоты вершки;
А на ножках сапожки — зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты остры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пята-пята воробей пролети.
Точное поэтическое описание византийской стенописи.

Вот сам богатырь:

Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по дорогому яхонту.
На плечах шуба чёрных соболей,
Чёрных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом,
А во петельках шелковых вплетены
Всё-то божьи птичушки певучие,
А во пуговках злачёных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие...

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьёза былинного языка, а по существу. Перед нами детали, верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится ею. Он без злобы "низших" классов к "высшим" свободно и горделиво высказывается о том, что кажется ему красивым и изящным. Заповедные ловы княжеские, весёлые забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки новых городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

Привожу цитату из первых исторических летописей (смешение русского со старославянским явило тот непере译имый язык, на котором слагались поэтические сказания в XI веке.).

"Заложил Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложил же и церковь святыя Софьи, митрополью и посёл церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещенье, посёл святого Георгия монастырь и святыя Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне и списаша книги многы: с же на сея книжными словеса сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напоюще вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам, украси ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовашеся Ярослав видя множество церквей".

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далёк от воплей современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почувшего памятник, ценный на многие века. Можно завидовать, можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Может возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается центром культуры и искусства?

Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева?

Киев уже прельщал варяжского князя Олега — мужа бывалого и много знавшего. Киев ещё раньше облюбовали князья Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: "И многи варяги скулиста и начаста владети славянскою землею".

При этом все данные не против культурности Аскольда и Диры. Сведения о создании Киева уходят корнями в глубь легендарного прошлого. Не будем презирать и предания. В Киеве был и апостол Андрей. Зачем прибыл в девственные леса проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные культы Астарты, открытые недавно в киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI–XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточия культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев ещё покоится в земле, в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Эти вехи освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость Киевского искусства создавалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? В древних летописях упоминается очень важное событие, которое до сих пор не принимали во внимание: "Русские изгнаша варяги за море и не даша им дани". Если изгнание варягов произошло до прихода Рюрика, когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределимое время.

В учебниках имеем поразительный пример неопределённости суждений об этих временах. Так звучит в них знаменитое приглашение древних русичей заморским варягам: "Земля наша велика, но нет порядка в ней. Придите и правьте нами". И как следствие приглашения приводятся следующие строчки: "Прибыл Рюрик с братьями Синеум и Трувором" (862).

В скандинавских летописях слова "син хуус" и "трувер" означают "со своим домом" и "со своей верною стражею". Поэтому я предлагаю другое толкование известной фразы: вполне вероятно, что она была сказана не древними русичами, а скандинавскими колонистами, обитавшими по берегам северной реки Волхов. Должно быть, это они пригласили Рюрика из-за озера Ладоги (очень похожего на море, где он, очевидно, имел привычку охотиться) — приехать и защитить их. И тогда Рюрик со своим домом и стражею и с любовью к приключениям прибыл по просьбе соотечественников. Все сильнее "князей" его рода и воинов из северной Руси привлекал киевский стол, где звание "князь" значило больше чем "воин" и позволяло заниматься

государственной деятельностью.

Глубины северной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своим влиянием на весь X век. Никто не будет спорить, что скандинавский вопрос — один из самых красивых среди задач художественных. Памятники скандинавов особенно строги и благородны. Долго только ладьи с пестрыми парусами, только резные драконы были вестниками всего особенного, небывалого. С открытым сердцем приняли их наши предки. И нет никакого основания считать северян дикими поработителями родоначальников Новгорода. Они жили неведомо как, но во всяком случае жили долго и жили так, что истинное искусство им было близко. Это и стало мощным фактором их слияния с жителями русских равнин, обладавших врождённым художественным воображением.

Варяги дали Руси человекообразные божества, а сколько же времени северные народы чтити силы природы, принадлежали одной из самых поэтических религий! Эта религия — колыбель лучших путей творчества.

Погружаясь в глубину веков, доходим до последней черты реальных существований. От жизни осталась одна пыль, и незнающему трудно поверить, что найден не скучный археологический хлам, а частица бывшей, подлинной прелести. Всему народу пора начать понимать, что искусство не только там было, где оно ясно всем: пора верить, что гораздо большее искусство сейчас скрыто от нас временем. И многое — будто скучное — озарится тогда радостью проникновений, и зритель делается творцом. В этом — прелесть прошлого и будущего. И человеку, не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем.

Сказочные барельефы северных скал, высокие курганы северных путей, длинные мечи и узорные одежды заставляют любить северную жизнь. В любви к ней может быть уважение к первым формам красоты, за гранью которых мы окунаемся в хаос бронзовых пати.

Много искусства в тех далёких, таинственных и неразборчивых временах.

Чужда ли искусству живоотнообразная финская фантазмагория? Чужды ли для художественных толкований формы, зачарованные Дальним Востоком? Отвратительны ли в первых руках скифов переделки античного мира? Только ли грубы украшения сибирских кочевников?

Эти находки не только близки искусству, но мы завидуем ясности мысли исчезнувших народов. Твердо и искусно укладывались великие для них символы в бесчисленные варианты вещей.

В таинственной паутине веков бронзы и меди опасно разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы. Целый ряд блестящих шестивий! За сверкающей золотом тканей Византией проходят пёстрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их!

Из их даров складывается синтез действительно неонационализма искусства. К нему теперь обратится молодое поколение. В этом залог его здоровья и силы. Если вместо притупленного национального течения суждено сложиться обаятельному "неонационализму", то краеугольным его сокровищем будет великая древность — вернее, правда и красота великой древности, которые однажды займут достойное место в прекрасном будущем.

Древнейшие русские летописи христианского времени не в силах передать нам прелесть покинутых культов природы. Звериный обычай жизни, бесовские игрища, будто бы непристойные песни, о которых толкует летописец, подлежат большему обсуждению. Пристрастие духовного лица — летописца — здесь слишком понятно. Церковь не приносила искусство. Церковь на искусстве становилась. И, созидавая новые формы, она раздавливала многое, тоже прекрасное.

После скандинавского века всякая достоверность исчезает. Приблизительность доходит до

нескольких столетий. Мы только можем знать, что для жизни требовались красивые вещи, но какая была жизнь, какие именно требовались предметы искусства, как верили в это искусство бывшие жители — мы не знаем.

За четыре тысячи пятьсот лет до нашей эры расцвела культура Вавилона; знаем кое-какие буквы её, но сложить сказку из них — пусть попробуют специалисты!

Тёмные глубины веков бронзы и меди неразборчивы особенно, если мы захотим не сходить с русских территорий. Греция, Финикия! Какие непостижимые следствия должны были они производить среди местных населений. Конечно, в переходные моменты истории значение искусства затемнялось так же, как понижался смысл украшений во времена русской усобицы. Следует отбросить мнение о неумелом использовании новых "сокровищ", таких, как металл, в эпоху подлинного художественного вкуса. Ведь тёмные времена железа, бронзы и меди длились очень долго, и мы не можем ожидать какой-либо ясности, исследуя их.

В искусстве орнаментов дух древних творил неисчерпаемо. Культ символических узоров охранительной сетью окутывал человечество; и современная неграмотная мордовка или черемиска (на востоке России) не могут постичь значения искусства, дошедшего до неё через века и скрытого в её украшениях.

Каменный век

Здесь кончается металлическая "штамповка" жизни. Здесь кончаются национальность и условности политической экономии; здесь кончается роль толпы. И только искусство, стоящее вне этого, не кончается. Отчетливо выступает новый человек. Он смотрит на нас из каменного века. Радость искусства несёт свои волны через все эпохи. Порой пучины между волнами очень глубоки, но тем выше поднимались гребни: так высоко, что мы можем и сейчас различить их.

Пусть некоторые люди смотрят искоса на "затемнённую" археологию и отрезают её от искусства. Можно извинить даже самоотверженного любителя за невольный трепет при касании к каменному веку: тот век так далёк от нашего понимания жизни, что очень трудно уловить его реальности, так же, как трудно изучать глубины небесного свода невооружённым глазом.

Человечество знало радость искусства, и мы ещё можем найти эти следы. Забудем на время о блеске металла. Вспомним все чудесные оттенки камня, благородные тона драгоценных мехов, естественную структуру дерева, желтеющий камыш и тростник и красоту крепкого тела пещерного человека. Будем помнить об этом всё время, пока пытаемся проникнуться атмосферой тех дней. Уловим ли мы проблески и отголоски той жизни? Или только возможно пока установить точку зрения на такую непомерную древность?

Предание мордовских племён повествует:

"Богиня Анге-патою в гневе раздробила кремень о скалу. В блестящих искрах создались боги земли и воды, лесов и жилищ. Кончила дело свое Анге-патою и бросила наземь кремень, но и он стал богом: ведь она не отняла от кремня творящую силу. Стал кремень богом приплода, и на дворе или под порогом дома маленькая ямка прикрыта кремниевым божком".

Сравним эту красивую легенду с преданием Мексики:

"На небе мексиканском был некогда бог Цитлал Тонак, звезда сияющая и богиня Цитлал-Куэ, она, что в рубахе звёздной. Эта звёздная богиня родила странное существо — кремниевый нож. Другие их дети, поражённые этим странным порождением, сошвырнули его с неба. Кремниевый нож упал, разбился на мелкие кусочки, и среди искр возникли тысяча шестьсот богов и богинь".

Космогония эрзи не хуже замыслов мексиканских.

"Каменным ножом зарежешь барана" — заповедает жертвенный ритуал воти.

"Громовая стрелка боль облегчает, в родах помогает" — такое поверье живёт среди простодушных русских знахарей.

"Великаны в лесу камень хоронили" — помнят потомки еми и веси.

Много преданий и легенд!

В каждом племени и сегодня живёт таинственная основа "каменного века". Обычаи и верования вместе с трудночёткими рунами орнамента толкуют всё о том же "доисторическом времени".

Называем его "доисторическим", хотя оно стоит вовсе не особняком. Наоборот, оно плотно вплетается в страницы нашей истории. Где границы жизни без металлов?

Мы, русские, привыкли искать начала нашего искусства где-то далеко. Мы обращаемся к Индии, Монголии, Китаю или к Скандинавии, или к гротескной фантазии финской. Но, кроме впечатлений, оставленных позднейшими культурами, у нас, как у всякого народа, есть ещё один

общечеловеческий путь — к самым древним иероглифам, объясняющим человеческую любовь к красоте: путь через откровения каменного века.

Предскажем, что в поисках лучшей жизни человечество не раз вспомнит о свободном человеке древности: он был близок природе, жил с ней душа в душу, знал красоты её. Он знал то, чего мы не ведаем уже давно.

Цельны движения древнего, строго целесообразны его думы, остро чувство меры и стремления к украшению. Понимать каменный век как дикую некультурность будет ошибкою неосведомлённости. В дошедших до нас страницах времени камня нет звериной примитивности. В них чувствуем особую, слишком далёкую от нас культуру. Настолько далёкую, что с трудом удаётся мыслить о ней иным путем, кроме уже избитой дороги — сравнения с дикарями.

Современные вымирающие дикари-инородцы с их кремниевыми копьями так же похожи на человека каменного века, как идиот похож на мудреца, — это только дегенераты. Несколько расовых черт — единственная связь между ними. Человек каменного века родил начала всех блестящих культур, он мог сделать это, в то время как дикарь наших дней утратил всякую власть над природой, а вместе с ней и чувство прекрасного.

Выживание, борьба, заблуждения в собственном страхе создали путаницу в человеке; и чтобы увидеть новые открытые пути, нужно воскресить те, с которых мы начали.

Только очень недавно поняли: проходные залы музеев, заполненные пыльным старым металлом, не есть лишь тёмное пятно генеалогии нашего искусства, но является его ярчайшим источником. Он есть первейший источник лучших заключений. Мера почтения к нему такова же, как мера удивления перед тайной жизни десятков тысячелетий.

Площади богатых огромных городов донесли до нас кучу шлаков, несколько обломков бронзы и груды камней, но это не вводит нас в заблуждение. В печальных остатках мы видим усмешку судьбы. Также и жизнь каменного века — не в тех случайных кремниевых осколках, которые сохранились на земле.

Особенная тайна окружает следы каменного века. Ничто иное, но каменные остатки всегда и даже до сих пор относятся к небесному происхождению. Многие боги металы находимые в земле копья и стрелы!

Не только классический мир не сумел отгадать настоящее происхождение каменных орудий, но и во все средние века происхождение их оставалось маловыясненным. Только в новейшее время, в конце XVIII века, немногие ученые узнали истинное происхождение древнейших изделий. Утверждения были скудны, шатки, малоубедительны. Собственно безусловного в постановке дела немного установилось и до сих пор. Из груды относительных суждений почти невозможно выделить те, которым бы не угрожала переоценка. Это неудивительно, ибо если расстояние одного тысячелетия уже колеблет уверенность в одном, даже двух веках, то что же сказать про десятки таких эпох? Даже ледниковый период в некоторых теориях остроумно заменяется внезапной космической катастрофой!

Вспомним, что все названия древнейших периодов приняты лишь вполне условно, по месту первого случайного нахождения предметов. Можно представить, сколько неожиданностей хранит ещё в себе земля и какие научные перемещения могут возникнуть.

Прочие эпохи полны потрясающими примерами. Научные постройки в пределах древнего камня опасны. Здесь возможны только наблюдения художественные. Исследования красоты древней жизни не могут помешать научным изысканиям, которые последуют в будущем.

Странно подумать, что, быть может, именно заветы каменного царства стоят ближе всего к современному поиску красоты. Поворот культуры возвращает нас вновь к тому, что было понятно человеку древнейшему: я имею в виду — стремление к гармонии. Искания нашего искусства, полные боли, очень напоминают заботы древнего из всего окружающего сделать что-

то обдуманное и гармоничное, украшенное любовным прикосновением.

По отдельным осколкам доходим до общего. Отлично сработанный наконечник копья говорит о прекрасном древке. То же относится к любому инструменту или оружию. Отпечатки шнуров и сетей очень убедительны. Всё свидетельствует о том, что в обиходе пещерного человека присутствовал известный порядок удобства и красоты. Радостью жизни веет из каменного века. Не голодные, жадные волки последующих времен, но царь лесов — медведь, бережливый в семействе, довольный обилием пищи, могучий и добродушный, быстрый и тяжелый, свирепый и благостный, достигающий и уступчивый, — таков тип человека каменного века.

Многие народы чтут в медведе человеческого оборотня. Он окружён особым культом. В этом звере оценили народы черты первой человеческой жизни. Древний человек одножен по своей природе. Ради труда и роста семьи только снисходит он до многоженства. Он ценит детей — продолжателей его творческой жизни. Он живёт сам по себе, ради себя творит и украшает. Мена, щегольство и боязнь одиночества появляются уже в более поздние времена. Общинные начала проникают в быт лишь в неизбежных, свободных действиях, например, во время охоты и рыбной ловли.

Остатки двух первичных эпох (как это представлено геологами) — окаменелые кости их страшных обитателей — составляют огромный скелет сказочного для нас мира; он так же близок душе художника, как и изделия рук человека. Минуем третичный плиоцен с его таинственным предшественником человека. Царство догадок и измышлений! Царапины на костях и удары на кремниевых осколках далеки от художественных обсуждений. Долодниковые эпохи — шельская, ашельская, мустьерская уже близки искусству. Человек уже стал царём природы. В чудесных единоборствах меряется он с чудовищами. Уверенными ударами высекает он первое своё орудие — клин, заострённый с двух сторон. Мамонты, носороги, слоны, медведи, гигантские олени несут человеку свои шкуры.

Он оставляет своё жилище-пещеру льву и медведю; он смело соседствует с теми, от кого в более поздние времена он защищался уже сваями. Приходит на ум ещё одна победа — приручение животных. Весёлое время! Время бесчисленных побед.

Затем мы видим человека, движимого инстинктами гармонии и ритма. В двух последних эпохах палеолита (солнотрейской и мадленской) посредством искусства он совершенствует жилище своё и весь свой обиход. Все наиболее замечательное в жизни одинокого творца принадлежит этому времени.

Множество оленей доставило новый отличный рабочий материал. Из рога оленя человек изготавливает стрелы, иглы, привески, ручки и другие предметы. Первая скульптура из кости и первые украшения относятся к тому же периоду, а также и знаменитая женская фигурка из кости: каменная Венера Брассемпуи.

Пещеры носят следы разнообразных украшений. Плафоны разрисованы изображениями животных, и совершенно очевидно, что художники тех дней обладали острой наблюдательностью и могли с точностью передать движение. Гармоничная легкость и свобода линий приближает их к лучшим рисункам Японии.

Пещеры юга с древнейшей попыткой живописи минеральными красками, с необычайно сложными плафонами свидетельствуют об истинном художественном вкусе древнего человека. Чувствуется, что пещеры должны были освещаться подвесными светильниками. Найденные поделки восходят на степень ювелирности: замечательные иглы, недоуздки для оленей, орнаменты, составленные из просверленных морских раковин и зубов животных.

Конечно, мена естественными продуктами постепенно изощряет результаты творчества человека.

Между временем палеолита и неолита часто ощущается что-то неведомое. Влияли ли космические условия, сменялись ли неведомые племена, завершала ли свой круг известная многовековая культура, но в жизни народа выступили новые основания. Очарование одиночества кончилось, люди познали прелесть общности. Интересы творчества делаются разнообразнее; богатства духовной крепости, накопленные одинокими предшественниками, ведут к новым достижениям. Новые препятствия отбрасываются новыми средствами; среди черепов многие оказываются раздробленными ударами тяжелых орудий. Так вступил в борьбу жизни человек делювианского (четвертичного) периода. Неолит.

Палеолит в России пока не дал чего-нибудь необычного. Неолит же русский изобилует и богатством своим, и разнообразием предметов искусства. В русском неолите находим все лучшие типы орудий.

Балтийские янтари, находимые у нас с кремниевыми вещами, не моложе 2000 лет до Р. Х. Площадки богатого таинственного культа в Киевской губернии, где находятся и полированные орудия, по женским статуэткам обращают нас к Астарте Малоазийской XVI и XVII века до Р. Х.

При Марафоне некоторые отряды ещё стреляли кремниевыми стрелами! Так переплетались культуры.

Русский неолит дал груды орудий и обломков гончарства на берегах рек и озёр. С трепетом перебирая звонко звенящие осколки и складывая разбитые узоры сосудов, изумляешься силе воображения, заключённой в них. Особо заметим осколки гончарства. Тот же орнамент богато украшал и одежду, и тело, и разные части деревянных построек, всё то, что время истребило.

Те же орнаменты вошли в эпохи металла. Смотри на родные узоры, вспомним о первобытной древности. Так, например, в центральной России мы знаем мотивы стилизованных оленей; не к подражанию северу, а к древнему распространению оленя, кости которого в изобилии находим с кремнями, ведёт этот узор.

На гончарной бусе каменного века найдено изображение змеи, подобное тому, что на предметах древнейшей микенской культуры.

Все доводы против врождённого инстинкта не могут противостоять фактам: разве не поразительно, что сущность украшений одинакова у людей и племён, разъединённых временем и пространством?

Проблема происхождения орнамента ведёт нас в любом случае к примитивному прикосновению примитивного человека. Две основы орнамента — ямка и черта. Из хрупкой глины лепит древний человек огромные котлы с круглым дном; те же руки дают крошечную чашечку, полную тонких узоров, инстинктивно применяя всё окружающее: пальцы, ногти, перья, белемниты, веревки, плетенья. Всякий стремится сделать свои сосуды более ценными и красивыми.

Поражаешься изобретательности, с которой древний человек покрывал поверхность котла крошечными ямочками или переплетающимися узорами. Можно понять волнение художника, когда он впервые додумался применить шнуры, плетения, даже ткань одежды своей, чтобы запечатлеть их узоры на мягкой поверхности глины. Но и этого ему было недостаточно, он находит растительные краски и вдохновенно использует их. Можно представить себе, сколько стремлений древнего разрушено временем, стёрто землёй, смыто водами. Та же самая палитра красных, чёрных, серых и жёлтых тонов цветилась и на одежде, и на волосах, может быть, даже на его теле. Живым укором для нас является искреннее стремление древнего украшать свой обиход. Невозможно даже сравнить современное стремление к искусству с тем, чем оно было для обитателей тех же мест тысячи и тысячи лет назад.

Многие, кто видел каменные изделия только за стеклянными витринами музеев, с трудом могут избежать предубеждения против их красоты. К любым прекрасным вещам приложите

каменное орудие — и оно не нарушит общего впечатления. Оно принесёт с собою ноту покоя и благоденствия.

Если хотите прикоснуться к душе камня — найдите его сами. Сначала можете и не знать, что вам повезло, но, перевертывая его в руках, вдруг попадаете пальцами во все продуманные впадины, и из-под седины налётов неожиданно замечаете прекрасную, с любовью выполненную работу и чудесный тон яшмы и тёмно-зеленого жадеита.

Набор орудий древнего человека обширнее, чем предполагается. Русский неолит вполне подтверждает это. Среди его находок встречается множество сложных предметов, назначение которых до сих пор является загадкой для нашего воображения.

Особенно радует, что это не есть только "домашнее" восхищение. На последнем доисторическом конгрессе 1905 г. в Периге лучшие знатоки-французы: Мортилье, Ривьер-де-Прекур, Картальяк и Капитан — приветствовали образцы русского неолита восторженными отзывами, поставив его наряду с лучшими классическими поделками Египта.

Можем ли представить себе жилище древнего? Нет пока ответа на этот вопрос.

Но следует помнить, что и после обширного дома иногда остаётся только груда печного кирпича.

Остатки свайных жилищ указывают на развитую хозяйственность. И в России были свайные постройки. Идея сваи, идея искусственного изолирования жилья над землёю у славян существует издавна. Много веков прожили сибирские и уральские "сайвы" — домики на столбах, где охотники скрывают шкуры. В меновой древнейшей торговле такие склады играли большую роль. Наш первый летописец Нестор упоминал о погребениях "на столбах при путях" — избы смерти славянской старины, сказочные избушки на курьих ножках — все это вращается около идеи свайной постройки. Многочисленные острова на озёрах и реках, конечно, только упрощали устройство изолированных деревень.

В последний раз обернёмся на пространство жизни в далёком каменном веке.

Озеро. При устье реки стоит ряд домов. По утонченной изукрашенности домики не напоминают ли вам жилища Японии, Индии? Прекрасными тонами переливаются жилища, кремни, меха, плетенье, сосуды, темноватое тело. Крыши с высоким "дымом" крыты желтеющими тростниками, шкурами, мехами, переплетены какими-то изумительными плетеньями. Верхи закреплены деревянными резанными узором пластинами. Память о лучших охотах воткнута на края крыш. Неизменный ослепительно-белый лошадиный череп бережёт от дурного глаза. Стены домов расписаны орнаментом в жёлтых, красных, белых и чёрных тонах. Очаги внутри и снаружи: над очагами сосуды, прекрасные узорчатые сосуды, коричневые и серо-чёрные. На берегу — челны и сети. Сети сплетали долго и тонко. На сушильнях шкуры: медведи, волки, рыси, лисицы, бобры, соболя, горностаи...

Праздник. Пусть будет это тот праздник, которым всегда праздновали победу весеннего солнца. Когда надолго выходили в леса, любовались цветом деревьев, когда из первых трав делали пахучие венки и украшали ими свои головы. Когда плясали быстрые пляски. Когда играли в костяные и деревянные рожки-дудки. В толпе мешались одежды, полные пушных оторочек и плетешек цветных. Переступала красиво убранная плетёная и шкурная обувь. В хороводах мелькали янтарные привески, нашивки, каменные бусы и белые талисманы зубов.

Люди радовались. Среди них начиналось искусство. Они пели, и песни их были слышны за озером и за лесом.

Огромные жёлтые костры в сумерках выглядели точно живые существа. Около них двигались фигуры людей — быстрые или задумчивые, но полные признательности жизни.

Воды огромного озера, бурные днём, делались тихими и лилово-стальными. И в ночном празднике быстро носились по озеру силуэты челнов.

Ещё недавно вымирающие якуты, костенеющим языком своим, пели о весеннем празднике, вот его литературный перевод.

"Эгяй! Сочно-зеленый холм! Зной весенний взыграл! Березовый лист развернулся! Шелковистая хвоя зазеленела! Трава в ложбине густеет! Веселая очередь игр, веселья пора!"

"Закуковала кукушка! Горлица заворковала, орёл заклектал, взлетел жаворонок! Гуси полетели попарно! У кого пёстрые перья — те возвратились; у кого чубы тычинами — те стали в кучу!"

"Те, для кого базаром служит густой лес! Городом — сухой лес! Улицей — вода! Князем — дятел! Старшиною — дрозд! Все громкую речь заведите! Верните молодость, пойте без устал!"

О каменном веке когда-нибудь мы узнаем ещё многое. Мы поймём и оценим справедливо это время. И узанный каменный век скажет нам многое. Скажет то, что только иногда ещё помнит индийская и шаманская мудрость!

Природа подскажет нам многие тайны первоначалья. Но всё будет молчаливо. Язык не остался. Ни находки, ни фантазия подсказать его не могут. Мы никогда не узнаем, как звучала песнь древнего. Каков был клич гнева, охоты, атаки, победы? Какими словами радовался древний искусству? Слово умерло навсегда.

Мудрые древние майя оставили надпись. Ей три тысячи лет:

— Ты, который позднее явишь здесь своё лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь: Кто мы?

— Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю — землю страдания и землю любимую!

— Кто мы?

— Мы земля.

Когда чувствовал древний приближение смерти, он думал с великим спокойствием: "Отдыхать иду".

Не знаем, как говорили, но так красиво мыслили древние.

Итак, мы проследили любовь человека к искусству до каменного века. Наш путь не был нелогичным или случайным, он действительно привёл нас к истокам подлинного искусства и подлинным стремлениям к знанию. И сейчас я обращаюсь к вам из глубины веков; к вам — современным людям, к вам — прожившим тысячелетия, к вам — покорителям земли.

Помня обо всех великих завоеваниях искусства, нужно снова подумать о применении формулы красоты в реальной жизни. Иначе последние спазмы материализма задушат вдохновение и духовность, пробуждающиеся в наше время.

Можно слышать сетования: "Скудны ростки красоты в нашей жизни. Отдельные прекрасные предметы существуют, но отделены друг от друга и не могут изменить убогости нашей жизни. Великий Пан мёртв".

В сферах искусства лицемерие встречается чаще, чем где бы то ни было. Как много людей произносят "высокие слова" об искусстве и в то же время избегают применять его в жизни.

С другой стороны, мы можем радоваться тому, что многие женщины и молодежь высоко держат факел искусства.

Мы не должны унывать. Мы должны встретить космические явления улыбкой радости

потому, что именно сейчас строим новые формы жизни. Теперь мы знаем, что искусство служит основанием каждой истинной культуры. Человечество снова начинает понимать, что творческая работа не есть бесполезная роскошь. Постепенно приходит понимание того, что она является существенным фактором повседневной жизни. Знаем, что все стороны жизни продвигаются только искусством, достижением совершенства во всех его разнообразных проявлениях.

Вечность озаряет наше тусклое существование духом красоты, и мы должны всеми силами нашего духа идти восходящим путем величия, восторга и достижений. Новый мир грядёт.

Аватар(санскр. нисхождение, сошествие) — в индуистской мифологии нисхождение божества на землю, его воплощение в человеческом теле.

Агни(букв. огонь).

Адепт(от лат. Adeptus — Тот, кто достиг) — человек, прошедший духовным путем и достигший сокровенных знаний.

Аджанта— комплекс высеченных в скалах буддийских монастырей II в. до н. э. — VII в. н. э. В 29 пещерных залах — архитектурные формы, скульптурный декор, росписи на темы буддийской мифологии, замечательные богатством фантазии, красотой цвета и ритма.

Акаша(санскр. сияющая) — первичная космическая субстанция.

Акбар Джелаль-ад-дин(1542–1605) — индийский император из династии Великих Моголов. Талантливый архитектор, покровитель наук и искусств. Основатель религиозно-философской системы, синтезировавшей основы всех великих мировых религий: индуизма, буддизма, христианства, ислама.

Аланские мастера— аланы, ираноязычные племена сарматского происхождения, с I в. жили в Приазовье и Предкавказье.

Александр (Великий) Македонский(356–323 до н. э.) — царь Македонии, полководец и государственный деятель.

Альбигойцы— христианская секта в Юж. Франции XII–XIII вв. Выступали против догматов католической церкви. Название происходит от г. Альби, одного из главных центров движения.

Амбань— китайский наместник, губернатор.

Амитаия (Амитабха) — китайское искажение санскритского Амрита Будда или Бессмертный Просветленный, имя Гаутамы Будды; один из трех (Будда Шакья Муни, Будда Майтрейя, Будда Амитабха) главных богов буддизма.

Ананта (Шеша) — в индуистской мифологии тысячеголовый змей, который поддерживает землю и служит ложем для Вишну, когда тот спит в океане в интервалах между творениями мира. Ананта (Бесконечный) является символом бесконечности.

Андрей Апостол— один из первых и ближайших учеников Иисуса Христа. В русских летописях — первый проповедник христианства в Приднепровье и Приильменье. В России считался покровителем страны.

Аполлоний Тианский(I в.) — древнегреческий философ.

Араго Доминик Франсуа(1786–1853) — французский ученый и политический деятель.

Ариаварша (Ариаварта)(санскр. путь или страна ариев) — местность в районе Северной и Центральной Индии, между Гималаями и горами Виндхья.

Асвагоша (Ашвагхоша) — буддийский поэт и мыслитель, живший в I в. н. э., автор известной поэмы "Буддха-чарита" ("Жизнь Будды").

Аттиша(982–1054) — основатель буддийской школы Кадампа, индийский проповедник буддизма в Тибете. Написал и перевел на тибетский язык ряд произведений, вошедших в тибетский канон.

Астарта— в финикийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви.

Ашрам(санскр.) — обитель духовной общины; в индуизме четыре стадии жизненного пути: ученичество, исполнение обязанностей домохозяина, уход в леса для размышлений и самосовершенствования, стадия аскетизма и полного посвящения себя служению богу.

Аюрведа(наука долголетия) — традиционная медицина древней Индии, согласно

преданию индуизма воспринятая людьми от бога врачевания Дханвантари, который получил ее от Брахмы.

Бадринатх— центр паломничества в Гималаях (штат Уттар-Прадеш). По преданию, в Бадринатхе были оформлены Ведаы и созданы многие Пураны. Главная святыня Бадринатха — черный камень, лишенный антропоморфных очертаний.

Бали— см. Вамана.

Бахаи (Бахайя) — учение, основанное на философских идеях некоторых направлений ислама.

Беас (Виас) — река в долине Кулу.

Белая Тара— одна из Тар, является их милостивой ипостасью, одной из самых известных и почитаемых в буддизме Тибета.

Белый Бурхан— имя Грядущего Будды у алтайцев.

Бикшу— монах в южном буддизме.

Бирбал(ок. 1528–1583) — государственный деятель и поэт при дворе императора Акбара.

Бодхи Гайя (Бодхгайя) — место озарения Будды (Бихар, Индия).

Бодхисатва(букв. Тот, чья сущность сатва стала разумом бодхи) — в буддизме — тот, кто добровольно отказался от высшего блаженства ради помощи человечеству.

Бон-по— древняя религия Тибета, в более позднее время заимствовавшая некоторые положения буддизма. Сохранила множество пережитков шаманизма и поэтому считается буддистами религией колдовства и магии.

Брахма (Брама) — в индуистской мифологии открывает триаду верховных богов (Брахма, Вишну, Шива), творец мира.

Брахман— см. Варны.

Брахмапутра— река в Китае, Индии, Бангладеш. В Тибете называется Цангпо.

Брогли Луис-Виктор де(1892–1987) — французский физик, лауреат Нобелевской премии.

Брегдон Клод— писатель, художник.

Будда(букв просветленный, пробужденный) — в буддизме понимается как состояние ума, достигшего высшей точки развития, тот, кто обладает совершенным знанием — мудростью.

Будда Сиддхартха Гаутама (623–544 до н. э.) — царевич из рода шакьев в Северной Индии (одно из имён Будды — Шакья Муни, "отшельник из шакьев"). Основатель буддизма.

Буддизм— одна из трех (наряду с христианством и исламом) мировых религий. Возник в Древней Индии в VI–V вв. до н. э. Основан Сиддхартхой Гаутамой. Основные направления — Хинаяна и Махаяна. Хинаяна (санскр. малая колесница), южная школа буддизма (Южная Индия, Цейлон, Бирма, Лаос, Таиланд и др.); Махаяна (санскр. большая колесница), северная школа буддизма (Северная Индия, Тибет, Китай, Япония, Монголия и др.).

Бхагаван (Бхагават) — имя-эпитет высших богов и духовных лиц Индии.

"**Бхагавад-Гита**"(букв. "Песнь божества") — религиозно-философская поэма, написанная в форме диалога Кришны и его ученика Арджуны. Включена в VI книгу "Махабхараты".

Бхарата(Бхаратаварша — страна Бхарата) — древнее название Индии в честь царского рода бхаратов. В настоящее время официальное название Республики Индия на языке хинди.

Вамана(букв. карлик) — персонаж индуистской мифологии. Царь асуров Бали благодаря своим аскетическим подвигам получил власть над тремя мирами (небом, землей и подземным миром) и подчинил богов. Вишну в облике карлика предстал перед Бали и попросил у него столько земли, сколько сможет отмерить своими тремя шагами. Получив согласие, Вишну двумя шагами покрыл небо и землю, а от третьего шага воздержался, оставив Бали подземный мир.

Варны— четыре основных сословия древнеиндийского общества: брахманы (жрецы), кшатрии (воины и правители), вайшьи (земледельцы и ремесленники), шудры (низшее

сословие).

Варуна— в древнеиндийской мифологии бог, связанный с космическими водами (мировой океан, образующий внешнюю рамку творения, которая отделяет Космос от Хаоса; небесные воды), а также охранитель истины и справедливости, царь над всем миром.

Васудева— в индуизме имя бога Вишну-Кришны.

Веданта(букв. завершение Вед) — дуалистическая религиозно-философская система, представляющая собой результат философского истолкования Упанишад.

Веды(букв. знание) — священные книги Индии, составляющие канон, которому традиция приписывает божественное происхождение. В ведийский свод входят четыре стихотворных сборника. Самый древний — "Ригведа" (веда гимнов), затем идут "Самавед" (веда мелодий), "Яджурведа" (веда жертвоприношений) и "Атхарваведа" (веда заклинаний).

Вепрь— персонаж индуистской мифологии. Чтобы спасти землю, которую демон Хираньякша утопил в океане, Вишну воплотился в вепря, убил демона в поединке, длившемся 1000 лет, и поднял землю на своих клыках.

Вивекананда Свами(Нарендранатх Датта) (1863–1902) — индийский философ и общественный деятель. Ближайший ученик Рамакришны.

Вишну— один из высших богов индуистского пантеона, составляющий вместе с Брахмой и Шивой божественную триаду — тримурти. Несет функцию хранителя Вселенной.

Вишну-яши— яши означает прославленный, известный.

Вольфрам фон Эшенбах(ок. 1170– ок. 1220) — немецкий поэт. Автор стихотворного рыцарского романа "Парсифаль".

Галлахад (Галаад) — герой средневековых рыцарских романов о Граале. Галлахад переносит Святой Грааль из Британии в восточную страну Саррасу и помещает его в "духовный замок".

Гелонг(тиб.) — духовное звание, монах.

Гении— эманации, исходящие из божественной сущности, небесные существа.

Гесэр-хан (Гессар, Гесер, Гесар) — легендарный правитель Северо-Восточного Тибета в XI в., герой монгольских и тибетских сказаний. О подвигах Гесэра создана одна из самых великих поэм народов Азии.

Геше— титул буддистского ученого монаха, прошедшего специальный курс обучения.

Голоки— тибетское племя кочевников, промышленявшее грабежами.

Грааль— в западноевропейских средневековых легендах чудодейственная святыня, сокровище мира, хранимое братством святых рыцарей. В одном варианте легенды Грааль предстает чашей, хранящей мощь Света, Истины, Огонь мира. В другом варианте Грааль — камень, обладающий чудесной силой, принесенный с небес на землю ангелами.

Григорий Нисский(ок 335–ок. 394) — церковный писатель, богослов и философ-платоник. Последователь Оригена.

Грюнведель Альберт(1856–1935) — немецкий ученый-востоковед и путешественник.

Гуру— духовный учитель. В древних учениях слово гуру трактуется как "рассеивающий мрак" (от гу — невежество, тьма и ру — тот, который разгоняет).

Давид-Ниль Александра(1868–1969) — французская путешественница, ученая-тибетолог, автор монографии о буддизме.

Дагон(человек-рыба) — персонаж индуистской мифологии. Воплотившись в рыбу, Вишну спасает от потопа первочеловека Ману, а также многих риши и семена всех растений, которые Ману берет с собой на корабль.

Дакини— демонические и полубожественные существа женского рода, в индуистском тантризме и фольклоре спутницы богини Кали.

Далай-Лама— светский правитель Тибета с резиденцией в Потале (Лхаса).

Далай-Лама Великий (Далай-лама Пятый, Нгаванг Лопсанг Гьяцхо)(1617–1682) — выдающийся государственный и религиозный деятель Тибета.

Деодар— гималайский кедр.

Дже-лама (Тен-пей Джал-озен)(нач. 1880–1923) — калмык по происхождению, объявивший себя освободителем монголов в 20-е годы XX в.

Джатака— древнее индийское сказание о перерождении Будды.

Дзонг— замок, крепость, укрепленный поселок, административный центр.

Дзон-Капа (Цонкхапа)(1357–1419) — реформатор буддизма в Тибете, создатель главной школы тибетского буддизма гелугпа или "школы желтых шапок", автор множества философских сочинений.

Дравиды— древнейшее население Индостана, в настоящее время населяют Южную Индию.

Дрогисты(англ.) — аптекари.

Друиды— жрецы древних кельтов.

Дуккар Всевидящая— женское божество в буддизме Тибета, покровительница человечества. Изображается с тысячью рук, и на каждой ладони виден открытый глаз, символ всевидящего и всепомогающего милосердия.

Дунгане— название одной из тюркских народностей, мусульмане-сунниты.

Дуччо ди Буонинсенья(ок. 1255–1319) — итальянский живописец.

Дханвантари— в индуистской мифологии лекарь богов, отождествляемый с солнцем. При пахтании мирового океана появляется с чашей амриты в руках.

Дхарма Ашрам— в индуизме этапы жизни, норма поведения, которой должны следовать все без исключения, но существует также особая дхарма для каждого сословия и для каждого периода жизни.

Дхармакайя(санскр прославленное духовное тело) — один из буддийских планов сознания. В популярном северном буддизме такими планами являются: нирманакайя, самбхогакайя, дхармакайя, последний есть высший и тончайший из всех.

Дэвы— в индуистской мифологии небесные существа, боги Дэвы населяют "три мира", которые суть три высших плана.

Златоуст (Иоанн Златоуст) (ок. 350–407) — византийский церковный деятель, епископ Константинополя, ярчайший представитель церковного красноречия.

Идам— в мифологии буддизма божество-покровитель.

Иерихонские стены— Иерихон, один из древних городов в Палестине, в конце II тысячелетия до н. э. был разрушен. По библейскому преданию, стены рухнули от звуков труб завоевателей.

Иероним(347–419) — святой, один из отцов церкви, автор перевода Библии на латинский язык ("Вульгаты").

Илия— древнееврейский пророк. Согласно христианству появится на земле перед пришествием мессии.

Институт Объединенных Искусств— открыт по инициативе Н. К. Рериха в Нью-Йорке в ноябре 1921. При институте имелись секции изобразительного искусства, музыки, хореографии, архитектуры, театра, литературы и лекторий с научным и философским отделениями.

Иоанн Предтеча (Креститель) — последний в ряду пророков провозвестников прихода мессии, предшественник Иисуса Христа.

Иоанн, пресвитер — по представлениям средневековой Европы, христианский владыка легендарной страны далеко на Востоке.

Св. Иосаф (Иосафат) — в христианском предании индийский царевич, причисленный к лику святых. Житие Иосафа является существенно переработанным жизнеописанием Будды Гаутамы. Имя Иосаф — производное от санскр. Бодхисатва.

Исайя— древнееврейский пророк VIII в. до н. э., автор одной из книг Библии. Известен пророчеством прихода мессии.

Исса— мусульманское имя Иисуса Христа.

Исфаган (Исфахан) — средневековая столица Ирана XVI–XVIII вв.

Каббала— сокровенная мудрость еврейских раввинов средневековья, унаследованная от более древних тайных доктрин, касающихся божественных предметов и космогонии.

Кайлас (Кайласа) — горный хребет в Гималаях, на юге Тибетского нагорья. Одноименная вершина (6714 м) считается обителью богов Шивы и Куберы, является одним из главных мест паломничества.

Кали(санскр.) — супруга бога Шивы, олицетворяющая его творческую энергию. В индуизме обладает своим собственным культом, требующим кровавых жертвоприношений.

Кали юга(санскр.) — четвертый, черный или железный век, настоящий период, длительность которого составляет 432000 лет. Последний из веков, на которые разделен период эволюции человека. Он начался в 3102 до н. э.

Калки Аватар(санскр.) — в индуизме грядущее воплощение бога Вишну.

Калки Хари— в индуизме Хари — одно из основных имён бога Вишну.

Канченджанга— священная гора в Сиккиме, одна из высочайших вершин Гималаев (8585 м).

Капила— древнеиндийский мыслитель VII в. до н. э., основатель дуалистической философии санкхья, одной из шести философских школ индуизма.

Кедарнатх— шиваитский храм в Гималаях (штат Уттар-Прадеш) на высоте 3600 м. Храм был основан Шанкарой. По легенде, в этом месте останавливались по пути на небо Пандавы Бог Шива представлен в храме большой каменной глыбой.

Китеж— в русских легендах город, чудесно спасшийся от завоевателей во время монголо-татарского нашествия XIII в. При приближении Батя Китеж стал невидимым и опустился на дно озера Светлояр.

Колокола гора— одна из священных для индусов вершин Гималаев.

Конт Огюст(1798–1857) — французский философ.

Конфуций (Кун-цзы)(551–479 до н. э.) — древнекитайский философ, снискавший в Китае славу Учителя Десяти тысяч поколений. Является основателем китайской государственной религии — конфуцианства. Конфуций собрал, прокомментировал и пересказал пять классических произведений Древнего Китая.

Красная секта(красные шапки, дугпа) — наименование одной из двух крупнейших сект Тибета, основанная Падма Самбхавой, буддизм которой выродился и перемешан с древней религией бон.

Крез— последний лидийский царь династии Мермнадов (560–546 до н. э.). Геродот упоминает о щедрых золотых дарах Креза дельфийскому оракулу.

Крита юга— см. Сатья юга.

Кришна— один из наиболее популярных богов индуизма, почитаемый в различных ипостасях: как одно из главных воплощений бога Вишну; как сын царя Васудевы, предводителя союза пастушеских племен; как верховный бог кришнаизма.

Лакшми— в индуизме богиня красоты, счастья и богатства, супруга бога Вишну.

"Лалита Вистара"(санскр.) — биография Шакья Муни, Гаутамы Будды, написанная Дхармаракшей в 308 н. э.

Лама(букв. учитель) — буддийский монах в северной Индии, Тибете и Монголии.

Лангдарма— тибетский властитель (ок. IX в.), при котором прошла волна гонений на буддизм.

Лао-Цзы(IV–III вв. до н. э.) — древнекитайский философ. Автор философского трактата "Дао дэ цзин", который является каноническим сочинением даосизма (наряду с конфуцианством крупнейшей религиозно-философской системы Китая).

Лекок А. — немецкий археолог, исследователь Центральной Азии.

Лосский Николай Онуфриевич(1879–1965) — русский философ.

Лхаса— главный (священный) город Тибета. Основан в VII в. тибетским царем Сронцзангамбо.

Магомет (Магомед, Мухаммед)(ок. 570–632) — основатель ислама, в мусульманской традиции почитается как "величайший и последний пророк Аллаха" и его посланник, через которого был передан людям Коран.

Майтрейя, Мессия, Мунтазар, Митоло— имена грядущего божественного освободителя у буддистов, евреев, мусульман и японцев.

Манасаровар— озеро Нагов, священное озеро в Тибете, откуда берет начало река Брахмапутра.

Мандала— в индуизме и буддизме вписанное в круг иконографическое изображение Вселенной с центром Земли и мирами вокруг него. В буддийском варианте включает все стадии развития человеческого духа.

Манихеи— последователи религиозного учения, основанного в III в. на Ближнем Востоке пророком Мани. Манихейство опирается на дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы. Синтетически впитало основные принципы зороастризма, гностицизма, христианства и отчасти буддизма.

Св. Марк— автор одного из четырех Евангелий (наряду с Матфеем, Лукой и Иоанном). Символ Марка — лев.

"Махабхарата" — эпос народов Индии, состоит из 18 книг. Окончательный текст сложился к середине I тысячелетия. Считается, что "Махабхарата" — единое произведение, автор которого легендарный риши Виаса.

Махатма(санскр. Великая Душа).

Махаяна— см. Буддизм

Майстерзингеры— немецкие средневековые поэты-певцы из ремесленно-цеховой среды.

Мемнон— в греческой мифологии царь Эфиопии. В египетских Фивах Мемнону был выстроен храм; одна из двух колоссальных фигур, воздвигнутых при фараоне Аменхотепе III, считалась изображением Мемнона. На рассвете статуя издавала особый звук, который воспринимался как приветствие Мемнона своей матери — богине утренней зари Эос.

Менгир— мегалитические памятники в виде вертикально врытых в землю длинных камней (4–5 м и более).

Мендонг— небольшое каменное сооружение на перевале или вершине холма, обращенное на Восток.

Меру— в древнеиндийской мифологии огромная гора, центр земли и вселенной, вокруг Меру вращаются солнце, луна, планеты и звезды, на ней живут высшие боги, духи и риши. Ганга с небес стекает сначала на Меру, а потом — вниз, на землю. По индуистским представлениям Меру находится где-то к северу, за Гималаями.

Метальников С. — профессор института Пастера в Париже.

Микенская культура— Микены, древний город в Южной Греции, центр эгейской культуры, основан в III тысячелетии до н. э.

Миларепа(1040–1123) — буддийский отшельник, которого тибетцы называют трижды великим: великим поэтом, великим йогом и великим святым. Тибетская традиция хранит огромное количество духовных стихотворений Миларепы — его "Сто тысяч песен".

Милликен Роберт Эндрюс(1866–1953) — американский физик, лауреат Нобелевской премии.

Миме— карлик-нибелунг, персонаж оперы Вагнера "Кольцо нибелунга".

Минг-Сте— тибетский учитель I в. Жил в монастыре неподалеку от Лхасы.

Моисей— пророк, вождь и законодатель еврейского народа.

Монсальват— в средневековой легенде о Граале "Гора Спасения", на неприступной вершине которой находится святая обитель.

Монсерат— бенедиктинский монастырь в Каталонии, Испания (основан в 880 г.).

Нанга Парбат— вершина в Гималаях (8200 м).

Нара Синха(человек-лев) — персонаж индуистской мифологии Вишну избавляет землю от тирании демона Хираньякашипу, которого разрывает на куски приняв облик чудовища с туловищем льва и головой человека.

Несториане— христиане-последователи Нестория, патриарха Константинопольского (428–431). Несторий был осужден как еретик и сослан. Его последователи бежали и распространились впоследствии по всей Азии.

Одорик Фриули (Пордедоне Одорико Фриульский)(1286–1331) — монах-францисканец, путешественник по Центральной Азии, Китаю, Цейлону.

Ойроты— народность Горного Алтая.

Олеты— западные монголы (торгуты).

Ольденбург Сергей Федорович(1863–1934) — русский востоковед, индолог.

Ориген(185–254) — раннехристианский богослов, философ Александрийской школы, один из "отцов церкви".

Падма Самбхава (Падмасамбгава)(санскр. рожденный в лотосе) — известный в Тибете учитель, выходец из Индии, проповедовавший в Тибете и Гималаях в VIII–IX вв. учение тантризма. Основатель буддийской секты "красных шапок".

Панаги— кочевые племена северо-восточного Тибета.

Пандавы— сыновья, потомки царя Панду, главные герои индийского эпоса "Махабхарата".

Пандит— человек, получивший традиционное образование, знающий шастры.

Палата Рогеров— Дворцовая Палатинская капелла (Палермо, Южная Сицилия), построенная при Рожере II в 1132–1143 г.г., украшена мозаиками византийских, греческих и сицилианских художников.

Панчен Ринпоче(тиб. Учитель Мудрости) — титул Таши Ламы. Этот титул был впервые пожалован Далай Ламой Пятым своему духовному наставнику и учителю, настоятелю монастыря Ташилунпо Лопсанг Чхокьи Гьенцену.

Парамахамса (Парамаханса)(букв. парама высочайший, хамса лебедь) — термин, обозначающий высшее состояние духа, титул высших духовных лиц Индии. Белый Лебедь в мифологическом представлении возница Браммы Творца.

Парашурама(Рама с топором) — персонаж индуистской мифологии. Воплотившись в брахмана Парашураму, Вишну истребил множество кшатриев и освободил от их тирании брахманов.

Париджата— в индуистской мифологии чудесное дерево с золотой корой и разнообразными плодами, появившиеся во время пахтания мирового океана.

Патинир Иоахим(ок. 1480–1524) — нидерландский художник.

Пелинги— тибетское название чужеземцев, особенно европейцев.

Пеллио Поль(1878–1945) — выдающийся французский востоковед-синолог и путешественник.

Пиаци Джозеппе(1746–1826) — итальянский астроном.

Пилигримы— паломники, путешественники.

Плано Карпини Джованни да(ок. 1182–не позднее 1252) — итальянский путешественник, монах-францисканец. Один из первых европейских исследователей Азии.

Поло Марко(1254–1324) — итальянский путешественник, посетил многие страны Центральной и Передней Азии.

Потала— дворец Далай-Ламы в Лхасе, замечательное архитектурное сооружение XVII в., выстроенное при Далай-Ламе Пятом.

Прахлада(древнеинд. радость, восторг) — в индуистской мифологии сын демона Хираньякашипу. Вопреки воле отца Прахлада стал почитателем Вишну. Хираньякашипу в гневе хочет его убить, но Прахлада неуязвим, т. к. его охраняет Вишну в образе человеко-льва.

Пржевальский Николай Михайлович(1839–1888) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии.

Прудон Пьер Жозеф(1809–1865) — политический деятель Франции.

Пураны(букв. древний) — произведения древнеиндийской литературы, священные книги индуизма. Древнейшие из сохранившихся относятся ко 2-й половине 1-го тысячелетия. Содержат космогонические мифы о богах, а также исторические легенды.

Райн Джозеф— профессор Гарвардского университета.

Рама— в индуистской мифологии воплощение бога Вишну. Главный герой индийского эпоса "Рамаяна".

Рамакришна (Гададхар Чаттерджи) (1836–1886) — индийский мыслитель и религиозный деятель.

Раман Чандрасекар Венката(1888–1970) — индийский физик, лауреат Нобелевской премии.

"**Рамаяна**" — древняя индийская эпическая поэма на санскрите IV–III вв. до н. э., приписывается легендарному поэту Вальмики, посвящена подвигам Рамы.

Ригден-Джапо— владыка Шамбалы. Ригден — титул, Джапо — имя.

Ринпоче(римпоче) (великая драгоценность) — эпитет высших духовных лиц Тибета.

Риши— в индуизме мудрец, провидец.

Рокотова Наталия— один из псевдонимов Е.И. Рерих.

Рубруквис (Рубрук) Биллем(ок. 1220– ок. 1270) — монах, фламандский путешественник. В 1253–1255 совершил путешествие в Монголию.

Садху— отшельник, анахорет, тот, кто посвятил себя аскезе и духовной практике.

Самадхи— высшее состояние сверхсознания.

Сагья юга(санскр.) — первая из четырех юг, также называемая Крита-югой, длится 1728000 лет; золотой век или век истины, чистоты.

Сагьям Шивам Сундарам(санскр Мир, Истина, Прекрасное) — доброе напутствие, благопожелание. Иногда им заканчивают письменное обращение или книги.

Свастика(су — благой, асти — быть) — один из наиболее древних символов, встречающийся у многих народов в разных частях света. В индийской культуре свастика означает солярный символ, знак света и щедрости. В эзотерической философии это создатель огня через трение и создатель "Сорока девяти огней".

Сикким— индийское княжество в Восточных Гималаях.

Соломон(ок. 960–935 до н. э.) — царь объединенного израильско-иудейского государства в 965–928 до н. э., автор некоторых книг Библии. В ветхозаветных книгах — величайший мудрец

всех времен, герой многих легенд.

Спиноза Бенедикт(1632–1677) — нидерландский философ.

Стейн Марк Аурел(1862–1941) — известный британский ученый-востоковед, исследователь Центральной Азии, Индии и Тибета. Автор многих научных трудов.

Столпники— христианские аскеты в восточном монашестве. Во время молитвы находятся на "столпе" — любой возвышенной площадке, башне, недоступной для посторонних.

Ступа(санскр.) — буддийское культовое сооружение, хранящее священные реликвии, надгробие.

Субурган— монгольское название ступы.

Тагор Рабиндранат(1861–1941) — индийский писатель, поэт, живописец, общественный деятель.

Тамплиеры— члены католического религиозно-мистического рыцарского ордена, основанного в Иерусалиме в первой половине XII в.

Танка— картина-знамя с живописным изображением Будды и святых.

Тара(спасательница) — главное женское божество буддизма, символ Богини Матери, воплощение беспредельного сострадания.

Татхагата(букв. Тот, кто подобен грядущему) — тот, кто подобен своим предшественникам Буддам и преемникам, один из титулов Гаутамы Будды.

Таши-Лама— духовный глава Тибета, проживающий в монастыре Ташилунпо, близ Шигадзе.

Тимур (Тамерлан)(1336–1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир.

Тотемный столб— столб с изображением тотема (вида животных или растений, иногда явления природы, либо предмета), имя которого носит отдельный род.

Три Ратна(санскр) — Три Сокровища, распространенная формула "Будда, дхарма и сангха", которая означает "мудрость, ее законы и служители".

Трисмегист— Гермес Трисмегист (Триждывеличайший), одно из имён бога Тота, божественная творящая Мудрость.

Троны Соломона— горы, увенчанные "или развалинами, или камнем с отпечатками ступы великого царя, или отпечатками колен его, следами длительной молитвы" (из книги Н. К. Рериха "Шамбала").

Тум-мо— практика тибетских йогов, стимулирующая внутреннее тепло.

Тьер Адольф(1797–1877) — историк, государственный деятель Франции, с 1871 президент Франции.

Уйгуры— тюркские племена, создавшие в VIII в. Уйгурское государство на реке Орхон. Оно было разгромлено в 840, и часть уйгур откочевала за Восточный Туркестан.

Улан-дабан— хребет Гумбольдта на территории китайского Тибета. Над тибетским нагорьем поднимается на 1000–1200 м.

Утай-Шань— буддийский монастырь в восточном Китае, провинция Шаньси.

Уадель Л. А. — английский востоковед, тибетолог.

Фома Аквинский(1225 или 1226–1274) — философ и теолог, доминиканец.

Фома Кемпийский (Томас Хемеркен)(ок. 1380–1471) — религиозный мыслитель.

Франке А. Х. — известный тибетолог.

Франциск Ассизский(1181 или 1182–1226) — итальянский проповедник, основатель первого нищенствующего католического монашеского ордена Францисканцев.

Френель Огюстен Жан(1788–1827) — французский физик.

Фултон Роберт(1765–1815) — американский изобретатель.

Химават (Гимават) — Гималаи.

Чарака(I в.) — древнеиндийский врач, автор ряда медицинских трактатов.

Ченреси— в буддизме Тибета Владыка сострадания, многорукий и многоокий. Верховный бог Тибета.

Чингис-хан (Тэмуджин, Темучин)(ок. 1155–1227) — основатель и великий хан Монгольской империи.

Чинтамани— священный камень, "сокровище мира", аналог Грааля в европейской традиции.

Чо-кьи ньи-ма ге-лег нам-джьял пал-занг-по(Таши-лама Девятый) (1883–1937) — в 1923 бежал из Тибета в Китай, преследуемый вооруженными отрядами Далай-Ламы Тринадцатого.

Чома де Кёрёш(1784–1842) — венгерский путешественник и ученый.

Чортен— тибетское название ступы.

Чудь— древнерусское название народа, населявшего страны Восточной Европы. На Алтае существует легенда о народе чудь, ушедшем под землю, чтобы сохранить свободу.

Шанкарачарья— религиозный реформатор и учитель философии Веданты. Основатель множества монастырей.

Шартрский собор— готический собор XII–XIII вв. с богатейшим скульптурным убранством в г. Шартр (Франция).

Шива— в верховной триаде индуистских богов (Брахма, Вишну и Шива) выполняет разрушительную функцию.

Эдисон Томас Алва(1847–1931) — американский изобретатель в области электротехники и предприниматель.

Эйнштейн Альберт(1879–1955) — физик-теоретик, создатель теории относительности.

Юнг Томас(1773–1829) — английский ученый.

Ямынь— канцелярия местных властей; присутственное место.

notes

"Корона Мунди" — Международный центр Искусства, Нью-Йорк, основан в 1922 году
(Примеч. авт.)